

A-29

84.4
A29

МЕЙЕРЛИНГЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

АДОЛЬФА АДЕРЕРА

(ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО)

№ 29967.

Приложеніе къ журналу «Историческій Вѣстникъ»

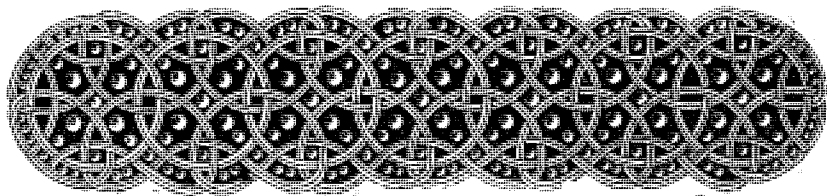
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ, 13
1905

33684C
582
T

309
694

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулецова

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ИМѢЛЪ случай знать или мелькомъ видѣть большинство лицъ, замѣшанныхъ въ Мейерлингской драмѣ, или, лучше сказать, въ Мейерлингской трагедіи. Когда нибудь поэтъ остановитъ свою мысль на судьбѣ Виттельсбаховъ, и онъ будетъ Эсхиломъ этихъ новыхъ Атридовъ.

Императрицу Елисавету, передавшую сыну одного изъ Габсбурговъ атаквистическую экзальтацію всѣхъ «своихъ», я видѣлъ первый разъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ ужасной войны 1875 года. Елисавета верхомъ на лошади скакала по нивѣ, которая простиралась вдоль крутого обрыва. Тонкіе колосья, перемѣшанные съ макомъ, тянулись къ солнцу, чтобы согрѣться отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, дувшаго съ сосѣдняго моря. Углубленная въ воспоминанія о любимыхъ ею древнихъ поэтахъ, наѣздница, выпрямившись на своемъ большомъ конѣ, бока котораго кололи сотни колосьевъ, воображала себя скорѣе королевой амазонокъ, чѣмъ государыней обширной страны, столь же отдаленной отъ ея глазъ, какъ и отъ ея мыслей. Меня охватила дрожь, потому что красавица подѣхала такъ близко къ крутизнѣ обрыва, что мнѣ показалось, будто ей не миновать его. Крикъ ужаса вырвался изъ моего горла. Въ ту же минуту лошадь однимъ прыжкомъ повернула и снова возобновила свою головокружительную скачку чрезъ золотистую ниву. Мѣстные жители мнѣ сказали, что государыня всякій вечеръ предавалась этой неистовой забавѣ, за которую всякій вечеръ владѣльцы полей требовали съ дворецкаго вознагражденія: императрицѣ объ этомъ не говорили, чтобы не прерывать ея любимаго спорта. Будучи страстной наѣздницей, Елисавета подчинялась также таинственному вліянію

моря, которое обожала. Въ ея распоряженіи находилась яхта, но она предпочитала маленькую лодку, на которой отправлялась по волнамъ одна, съ сыномъ мѣстнаго купальщика, пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, и достигала сосѣдняго бережка, гдѣ ее ожидали придворныя дамы, прѣзжавшія въ эту мѣстность въ экипажахъ. Въ лодкѣ она повторяла стихи своего любимаго поэта—Генриха Гейне.

Эта женщина, вѣчно тревожимая несбыточными мечтами, безъ сомнѣнія, желала бы нестись по волнамъ на конѣ, а не плыть въ лодкѣ. Какая-то невѣдомая сила влечетъ всѣхъ Виттельсбаховъ къ невидимой цѣли, и они стремятся къ пропасти. Когда я впервые увидѣлъ австро-венгерскую императрицу, я думалъ, что она упадетъ въ пропасть, разверзшуюся предъ нею въ двухъ шагахъ.

Императора—Франца, какъ его зовутъ подданные—я видѣлъ однажды въ Вѣнѣ, на площади, когда онъ по давней привычкѣ дѣлалъ утренній смотръ гарнизону; его сопровождалъ адъютантъ. Въ его голубыхъ глазахъ, опечаленныхъ пережитыми испытаніями, я замѣтилъ природную меланхолю; его затуманенный грустью взглядъ, казалось, говорилъ: «Къ чему всѣ эти легіоны?.. Судьба была и будетъ всегда сильнѣе ихъ».

Я еще видѣлъ его въ Бургъ-театрѣ, который онъ усердно посѣщалъ до траура, быстро слѣдовавшаго одинъ за другимъ. На этотъ разъ съ нимъ былъ сынъ и невѣстка, эрцгерцогъ Рудольфъ и эрцгерцогиня Стефанія.

Наслѣдный эрцгерцогъ былъ высокаго роста, тонкій, нервный и лихорадочный, съ умнымъ, безпокойнымъ лицомъ, рѣзкими болѣзненно-судорожными движеніями.

Свѣтловолосая эрцгерцогиня Стефанія была въ тюлевомъ платьѣ съ кружевной отдѣлкой, которое обнаруживало ея гибкую талію и красивыя плечи.

Наслѣдный эрцгерцогъ былъ разсѣянъ и безпокоенъ; онъ болѣе интересовался хорошенькими вѣнками, красовавшимися въ ложкахъ и креслахъ, чѣмъ комедіей, дававшейся на сценѣ. Эрцгерцогиня сидѣла справа отъ тестя; отъ восторга, возбуждаемаго ею въ толпѣ, она казалась счастливой, но безъ спеси и гордости. Если бъ она сидѣла ближе къ зрителямъ, то слышала бы ихъ замѣчаніе: «Красивая у насъ будетъ императрица!»

Такова показалась мнѣ эрцгерцогиня Стефанія въ Бургъ-театрѣ; такую же она явилась предо мною въ трагически-знаменитомъ Мирамарѣ.

Что касается красавицы Маріи Вечеры, то однажды вечеромъ въ Оперѣ мнѣ показала ее одна особа, состоящая при французскомъ посольствѣ, и рассказала о городскихъ слухахъ на ея счетъ. Я увидѣлъ молодую женщину, не очень высокаго роста, довольно полную, съ матовымъ цвѣтомъ лица и нѣсколько толстымъ носомъ, слегка вздернутымъ. Ея лицо ничего не представляло бы замѣча-

тельного, если-бъ не два сѣрыхъ глаза, безподобной красоты и нѣжности.—«Бархатные глаза,—сказалъ я,—если только позволительно употребить такое пошлое сравненіе».—«Бархатные или мрачные!»—отвѣтилъ мой собесѣдникъ.

I.

Эрцгерцогъ Рудольфъ не слылъ въ Вѣнѣ за образцоваго мужа. Вѣнцы, отличающіеся легкимъ нравомъ, совсѣмъ не возмущались разсказами, которые щедро расточала молва о его походеніяхъ. Они говорили себѣ, что самъ отецъ наслѣднаго эрцгерцога, императоръ Францъ-Іосифъ, всѣми уважаемый и почтенный человекъ, иногда забывалъ свой долгъ мужа и отца съ венгерскими наѣздниками или французскими актрисами. Всѣмъ было небезызвѣстно, что герцога Рудольфа, посѣщавшаго инкогнито Парижъ, подъ предлогомъ ученыхъ и литературныхъ изысканій, рѣже видѣли въ Национальной Библиотекѣ, чѣмъ въ нѣкоторыхъ сомнительныхъ домахъ по сосѣдству съ этимъ памятникомъ работъ и науки. Вѣнцы охотно называютъ себя нѣмецкими парижанами. Тѣ и другіе особенно сходятся въ томъ, что одинаково питаютъ склонность къ женщинамъ. Никакой вѣнецъ не удивлялся, если видѣлъ своего будущаго государя, ведущаго веселую жизнь, какъ большинство его будущихъ подданныхъ. Всѣ были ему благодарны за отсутствіе притворной строгости, которая могла бы показаться упрекомъ для большинства его соотечественниковъ.

Въ Вѣнѣ быстро разнеслась такая исторія. Однажды Рудольфъ отправился со своимъ обычнымъ товарищемъ по увеселеніямъ къ дамочкамъ, живущимъ въ серіозномъ, буржуазномъ домѣ. Въ такихъ домахъ послѣ извѣстнаго часа дверь не открывается, и оттуда уже нельзя выходить: такъ требовала нравственность и официальные правила. Безъ сомнѣнія, наслѣдный эрцгерцогъ не скучалъ у этихъ дамочекъ, такъ какъ онъ засидѣлся гораздо дольше законнаго часа, въ который должны оканчиваться пиршества въ Вѣнѣ. Полицейскіе сыщики, приставленные охранять принца, дали привратнику исключительное разрѣшеніе нарушить обычай, такъ что честь, оказываемая наслѣднымъ эрцгерцогомъ дому, который охранялъ почтенный придверникъ, стоила добавочнаго наблюденія. Привратникъ пошелъ дальше въ охраненіи эрцгерцога. Онъ поднялъ съ постели свою жену и четверыхъ дѣтей—двухъ дѣвочекъ и двухъ мальчиковъ—и далъ въ руки каждому по подсвѣчнику; когда ночью наслѣдный эрцгерцогъ показался на лѣстницѣ, то привратникъ и всѣ его домашніе, въ своемъ лучшемъ нарядѣ и вооруженные свѣточами, отвѣшивали ему низкіе поклоны. Долго принцъ смѣялся надъ этимъ походеніемъ, о которомъ стало извѣстно лично отъ него.

Народъ также любилъ эрцгерцога, потому что видѣлъ въ немъ хорошаго австрійца. Вопреки зловѣщимъ предсказаніямъ, которыя расточаютъ публицисты относительно неизбежнаго раздробленія Австро-Венгерской монархіи, несмотря на разладъ, обнаруживаемый въ различныхъ парламентахъ или сеймахъ крайне буйными сценами, въ Австро-Венгріи еще существуетъ много «австрійцевъ», которые не хотятъ быть ни нѣмцами, ни славянами, ни мадьярами, а желаютъ остаться австрійцами старой Австріи. Въ одинъ прекрасный день стало извѣстно, что принцъ Рудольфъ взялся руководить литературно-художественнымъ изданіемъ, посвященнымъ описанію всѣхъ частей государства. Это было нѣчто въ родѣ «энциклопедіи» Австро-Венгріи,—синтетическій трудъ, предназначенный сблизить и соединить элементы, разъединеніе которыхъ, пугавшее однихъ и желательное для другихъ, проявлялось по временамъ. Каково же было удовольствіе вѣнцовъ, когда въ одинъ прекрасный день подъ воротами, соединявшими площадь св. Михаила съ дворомъ Іосифа II, они прочитали на прибитомъ объявленіи слѣдующее: «Описаніе Австро-Венгріи съ иллюстраціями. Редакція въ первомъ этажѣ». Съ этихъ поръ журналисты и писатели имѣли сотрудникомъ одного изъ самыхъ высокихъ лицъ послѣ императора. Литература, патриотическая и національная, водворилась въ старомъ Габсбургскомъ дворцѣ.

Среди этой жизни, полной работъ, удовольствій и общей любви, эрцгерцогъ однажды вечеромъ отправился въ Бургъ-театръ: давали послѣднюю, присланную изъ Парижа, новинку. Едва Рудольфъ вошелъ, какъ замѣтилъ, что большинство зрителей и зрительницъ устремило свои взгляды на ложу перваго яруса, около сцены. Бургъ-театръ считается театромъ абонентовъ и завсегдаевъ, которые почти всѣ были извѣстны другъ другу, и любопытство присутствующихъ должно быть объяснено неожиданнымъ явленіемъ, новымъ зрѣлищемъ. Дѣйствительно, ложа, на которую такъ всѣ смотрѣли, была занята двумя особами, впервые показавшимися въ театрѣ «общества». Поднялись разспросы: изъ одной ложи задавались вопросы въ другую, изъ кресла—въ кресло: судя по жестамъ очевидно было, что никто не зналъ двухъ иностранокъ.

Эрцгерцогъ повернулся къ ложѣ. Его глаза долго не отрывались отъ болѣе молодой изъ двухъ женщинъ. Послѣдняя быстро замѣтила вниманіе, которое оказалъ ей наслѣдникъ престола. Женщинѣ совѣтъ не надо видѣть устремленныхъ на нее взглядовъ: она ихъ, такъ сказать, «чувствуетъ». Въ ихъ ложѣ показался молодой гвардейскій офицеръ. Дамы не слышали, какъ онъ вошелъ, а потому не замѣтили его присутствія; онъ обратилъ ихъ вниманіе на любопытство, какое онъ возбудилъ въ зрителяхъ; онъ назвалъ имъ по имени всѣхъ, собравшихся въ залѣ высокопоставленныхъ лицъ, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ. Казалось,

ему доставляла удовольствіе ревность, которую онъ возбудилъ въ присутствующихъ, выдавая себя за друга особъ, замѣченныхъ всѣми и въ то же время неизвѣстныхъ никому. Мужчинамъ очень льститъ знакомство съ хорошенькой женщиной: сколько удовольствія доставляетъ ему, а болѣе того «смака», болтовня съ женщиной, которую любятъ всѣ, но онъ одинъ ее знаетъ.

Офицеръ всталъ. Онъ вышелъ, чтобы появиться на минуту въ ложѣ эрцгерцога Рудольфа. Покинувъ обѣихъ женщинъ онъ увидѣлъ въ коридорѣ адъютанта наслѣдника; онъ попросилъ его слѣдовать за нимъ къ его высочеству: ходьба взадъ и впередъ адъютанта мимо ложи и прочія уловки не ускользнули отъ заинтересованныхъ присутствующихъ. Ясно было, что завязавшійся разговоръ между эрцгерцогомъ и гвардейскимъ офицеромъ касался двухъ незнакомокъ, и что первый спрашивалъ у послѣдняго подробныхъ свѣдѣній относительно его двухъ пріятельницъ. Затѣмъ взглядъ принца оторвался на мгновеніе отъ ихъ ложи, и разговоръ между нимъ и офицеромъ продолжался еще нѣсколько минутъ. Безъ сомнѣнія, вопросъ шелъ о службѣ молодого офицера и его будущемъ: молодой человекъ предвидѣлъ повышение въ чинахъ, котораго совсѣмъ не подозревали его друзья.

Когда послѣдній занялъ свое мѣсто въ оркестрѣ, то не могъ избѣжать вопросовъ. Онъ на это не сердился, такъ какъ знать секретъ одному—чрезвычайно пріятно; заставляя упрашивать себя, его понемногу разоблачаешь. Въ этомъ случаѣ поступаютъ, какъ тѣ путешественники, которые вдругъ скажутъ вамъ: «Да, то, что вы рассказываете, напоминаетъ мнѣ похождение одной маленькой тонкинской жительницы, которую я купилъ за пятнадцать франковъ на границѣ Юннана у пиратовъ, готовыхъ произвести надъ ней насилие; ихъ было пятнадцать».—«О ужасъ!—восклицаетъ дама,—и какъ вамъ удалось ее спасти?»—«Очень просто!». И путешественникъ начинаетъ свою исторію. Молодой гвардейскій офицеръ поступилъ также и рассказалъ не только то, что зналъ о незнакомкахъ, но даже болѣе.

Онъ сообщилъ, что дама постарше — баронесса Вечера; молоденькая же—одна изъ ея дочерей. Отца не было на свѣтѣ. Онъ былъ венгерскій мелкій дворянинъ изъ окрестностей Пресбурга, и такъ или иначе, но принадлежалъ къ дипломатіи. Вечера былъ извѣстенъ въ молодости, какъ драгоманъ австрійскаго посольства при султанѣ. Въ Константинополѣ онъ женился на моло дой дѣвушкѣ, гречанкѣ, г-жѣ Батаджи. Ея отецъ, уроженецъ Хиоса, «острова вина», былъ истиннымъ потомкомъ царя Итаки, однимъ изъ тѣхъ предприимчивыхъ и ловкихъ островныхъ грековъ, какихъ въ наше время находится менѣе въ самой Греціи, чѣмъ въ Марсели, Александріи и Перу. Сначала онъ служилъ въ одномъ парижскомъ банкѣ—банкѣ Лафитъ, затѣмъ возвратился

на Востокъ, гдѣ принялъ австрійское подданство, чтобы жениться на дѣвицѣ Лорелль, которая ему подарила десятерыхъ дѣтей. Онъ велъ торговлю въ Константинополь и Смирнѣ, и нажилъ громадное состояніе, что позволило ему дать блестящее приданое дочерямъ. Венгерскій дворянчикъ, баронъ Вечера, устроилъ недурное дѣльце, женившись на одной изъ нихъ. Но миллионы скоро были прожиты. Вечера умеръ тому два года въ Александріи. Его вдова и двѣ дочери—Марія и Ганни—прибывъ въ Вѣну, поселились въ кокетливомъ домѣ. Всѣ эти справки молодой гвардейскій офицеръ собралъ въ Александріи, откуда онъ началъ свое путешествіе по Нилу. Предъ зрителями находилась старшая изъ двухъ дочерей, шестнадцатилѣтняя Марія Вечера, очаровательный полураспустившійся цвѣтокъ. Судя по любопытству, какое возбуждало первое появленіе молодой дѣвушки въ Вѣнѣ, городѣ, въ которомъ, однако, не было недостатка въ обворожительныхъ женщинахъ, ей скоро предстояло сдѣлаться модной женщиной: «львицей дня», какъ говорили французы пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ,— «профессиональной красавицей», какъ говорятъ англичане въ наше время.

Предположеніе оправдалось въ концѣ представленія. Всѣ поспѣшили къ перистилію и ожидали появленія новопривывшихъ. Особенно женщины хотѣли разсмотрѣть поближе молодую дѣвушку. Онѣ нашли, что Марія Вечера была не менѣе хорошенькой и вблизи. Нѣкоторыя изъ нихъ отваживались утверждать, что ея носъ былъ нѣсколько коротокъ и недостаточно тонокъ, а лицо—чрезмѣрно широко; но всѣ были одного мнѣнія относительно нѣжности ея взгляда, очаровательнаго рта и блестящаго цвѣта лица. Въ свою очередь явился и эрцгерцогъ Рудольфъ; онъ остановился. По вниманію, съ какимъ онъ разсматривалъ молодую незнакомку, самые непроницательные понимали, что онъ не нашелъ въ ней никакого недостатка и любовался всѣми совершенствами ея красоты, безъ исключенія.

Воспламененный красотою баронессы Маріи Вечера, Рудольфъ не замедлил приблизиться къ обѣимъ иностранкамъ при посредничествѣ молодого гвардейскаго офицера, который сообщилъ ему свѣдѣнія о нихъ. Когда первое лицо, которое просить быть представленнымъ женщиной, только что пріѣхавшей въ страну—король или ея будущій государь, то женщиной это только можетъ льстить, и она не закроетъ передъ нимъ своей двери. Такъ было и съ баронессой Вечера. Чрезъ день послѣ встрѣчи въ Бургъ-театрѣ, Рудольфъ явился въ домъ на Залезаніергассе и былъ принятъ.

Онъ сталъ являться туда часто. Съ простыми искательницами приключеній, сентиментальными модистками, женами чиновниковъ, гоняющимися за повышеніемъ мужей, и бездѣльными аристократками,

вѣроятно, искусство было бы сокращенъ: послѣ второго или третьяго свиданія эрцгерцога было бы проведено изъ салона въ интимныя комнаты. Ловкія же левантинки, не стовариваясь, поняли выгоду, какую представляла имъ эта неожиданная находка. Чего же онѣ въ дѣйствительности хотѣли? Чего искать онѣ пріѣхали въ Вѣну? Мужа для юныхъ баронессъ? Уже женатый эрцгерцогъ не могъ быть желаннымъ мужемъ. Какъ ни велика была женская само-надѣянность, но надо признать, что въ первые дни мать и дочь не предусматривали возможности развода, который поставилъ бы баронессу на мѣсто эрцгерцогини Стефаніи.

Имъ было достаточно, чтобы на нихъ простерлось покровительство наследника престола: это была единственная цѣль, которую онѣ мѣтили.

Благодаря его участию, изъ котораго онѣ извлекли пользу, закрытыя двери дворцовъ самой высшей аристократіи на Герренгассѣ, Миноритской и Лобковской площадяхъ широко раскрылись для ихъ мелкаго дворянства. Не было такого вечера или введенныхъ въ моду княгиней Меттернихъ съ благотворительною цѣлью, представленій, для устройства которыхъ она набирала артистовъ изъ семействъ, группировавшихся, какъ рыцари Габсбурговъ, вокругъ императорскаго замка, — не давалось ни одного празднества, на которомъ не бывали бы обѣ баронессы Вечера. Пригласить ихъ—значило быть увѣреннымъ въ присутствіи наследнаго эрцгерцога, до сихъ поръ показывавшагося лишь на необходимыхъ церемоніяхъ. Женщины чувствовали ревность отъ предпочтенія, выказаннаго наследнымъ эрцгерцогомъ семнадцатилѣтней дѣвчонкѣ, происхожденіе и родство которой было мало извѣстны. Онѣ ей прощали, зная, что герцогъ капризенъ, и говорили себѣ: «Если дѣвчонка сдастся, то она скоро ему наскучитъ; въ противномъ же случаѣ онъ не привяжется къ ней такъ сильно и возвратится къ болѣе легкимъ похождениямъ, которыя ему нравились». Мужчины не оставались равнодушны къ красотѣ Маріи; вниманіе наследнаго эрцгерцога, предметомъ котораго явно была она, дѣлало ихъ осторожными. Они окружали ее уваженіемъ, съ цѣлью заслужить ея симпатію, но не желали какими нибудь знаменательными поступками или разговорами возбудить подозрѣнія слѣдившаго за нею эрцгерцога.

Были и такіе, которыхъ не останавливали эти соображенія, какъ, на примѣръ, графъ Алоизій Л., наследникъ если, не короны, то, по крайней мѣрѣ, одного изъ самыхъ знаменитыхъ именъ австрійской аристократіи и, можетъ быть, самый красивый, самый изящный, самый гордый изъ молодыхъ вельможъ двора Франца-Иосифа. Онъ открыто передъ всѣми выказывалъ къ Маріи Вечерѣ такой пылъ, какой пожилые царедворцы называли неосторожнымъ и нескромнымъ. Онъ также бывалъ на всѣхъ празднествахъ, которыя

украшала своимъ присутствіемъ красавица «дѣвчонка». Когда Рудольфъ, все-таки принужденный соблюдать нѣкоторыя предосторожности, оставляя свободное мѣсто возлѣ красавицы, то Алоизій Л. спѣшилъ занять его. Онъ первый являлся приглашать на танцы Марію, велъ ее въ буфетъ и провожалъ до кареты. Молодые дѣвушки не безъ зависти смотрѣли на предпочтеніе, оказываемое Алоизіемъ Л. этой неожиданной соперницѣ. Онъ опасались, чтобы въ одинъ прекрасный день онъ не сдѣлалъ ея своей женой. Нѣмецкія страны привыкли къ бракамъ, продиктованнымъ единственно любовью. Тамъ, гдѣ принцы женятся, если не на пастушкахъ, то на наѣздницахъ цирка, совсѣмъ неудивительно, что аристократъ самой высшей пробы женится на дочери мелкаго дворянина, потому что она красавица, и онъ ее любитъ. Аристократія, твердо установленная и неоспоримая, которая занимаетъ въ государствѣ видное мѣсто, можетъ позволить себѣ сентиментальныя фантазіи; онъ менѣе унижаютъ ее, чѣмъ браки на деньгахъ, посредствомъ которыхъ пришедшая въ упадокъ аристократія разсчитываетъ подняться.

Около Маріи видѣли еще нѣкоего финансиста, введеннаго въ ихъ домъ однимъ изъ дядей молодой дѣвушки, братомъ матери, однимъ изъ десяти дѣтей Батаджи. Двое или даже трое Батаджи жили въ Вѣнѣ: два брата баронессы Вечера и сынъ одного изъ нихъ. Изъ двухъ братьевъ одинъ занимался денежными дѣлами, другой спортомъ: денежныя дѣла и лошадиный спортъ близки другъ другу; все что, касается азартныхъ игръ или мошенничествъ, нравится левантинцамъ. Горбоносый банкиръ съ начинающимъ отрастать животомъ и рѣдѣющими волосами, другъ биржевика Батаджи, желалъ дворянскаго титула. Замѣтивъ благоволеніе, оказываемое наслѣдникомъ престола дамамъ Вечера, онъ не сомнѣвался, что, женившись на Маріи, найдетъ въ ея свадебной корзинѣ, въ которую вложить свои деньги, желанный дворянскій патентъ. Онъ осыпалъ баронессу Вечера подарками, Марію вниманіемъ, а дядю Батаджи превосходными биржевыми свѣдѣніями и все шло какъ нельзя лучше.

Батаджи спортсменъ, весь отдавшись, лошадямъ, мало показывался у своей сестры. Напротивъ, его сынъ приходилъ ежедневно. Молодой, двадцатидвухлѣтній, Батаджи выказывалъ къ Маріи ревностную привязанность: онъ любилъ ее. Когда она обращалась къ нему съ благосклонными словами, все его лицо, на которомъ блестѣли два черные глаза, сіяло счастіемъ: когда же она отправлялась на балъ, гдѣ его не было, онъ дѣлался сумрачнымъ, скрежеталъ зубами, его ноздри раздувались, а по его глазамъ, въ которыхъ пробѣгала зловѣщая молнія, можно было угадать челоуѣка, готоваго на всякаго рода насиліе. Молодую дѣвушку забавляла страсть двоюроднаго брата; она не считала ее серіозной. Говоря о немъ, она замѣчала: «Мой двоюродный братъ! Это — мой пудель. Если на меня нападутъ, то онъ укуситъ!»

Кто можетъ порицать Марію, что она такъ легко предалась заманчивой жизни, какую доставила ей Вѣна со дня ея пріѣзда. Наслѣдный эрцгерцогъ не скрывалъ восторга, возбужденнаго въ немъ Маріей; у нея заискивалъ молодой вельможа, носившій высшее аристократическое имя; ея капризамъ предоставлялось богатство, а ей предлагалась сильная преданность. Ласкавшая ее дѣйствительность превосходила всѣ мечты, какими льстило себя самое тщеславное воображеніе. Застѣнчиво появившись въ Вѣнѣ, гдѣ ея не знали, Марія была принята тамъ улыбкой Фортуны и благосклонностью судьбы. Радость побѣды озарила ея молодое лицо и сдѣлала его еще обворожительнѣе: счастье — вторая красота.

II.

Однажды Алоизій II. съ озабоченнымъ видомъ сообщилъ Маріи извѣстіе о своемъ близкомъ отъѣздѣ за границу. Безъ личнаго ходатайства Алоизія, императоръ назначилъ его при одномъ изъ посольствъ военнымъ агентомъ вмѣсто прежняго, отозваннаго въ Австрію. Молодому дипломату было невозможно отказаться отъ назначенія своего государя: отказъ былъ-бы неповиновеніемъ, а воинъ всегда повинуется.

Прежде чѣмъ уѣхать, Алоизій хотѣлъ заручиться обѣщаніемъ руки Маріи. Принявъ предложеніе сдѣлаться въ одинъ прекрасный день его-женою, Марія Вечера должна была присоединиться къ нему въ столицѣ, куда его посылали. Это обѣщаніе было дано ею среди обильныхъ слезъ.

Нѣсколько дней спустя, банкиръ увѣдомилъ своего друга, Батаджи, что неожиданныя дѣла призываютъ его въ Америку, можетъ быть, на долгіе мѣсяцы. Онъ также наскоро распрощался съ обѣими женщинами, но не потребовалъ отъ Маріи никакого обѣщанія. Подробныя объясненія имъ далъ Батаджи; по его словамъ, при посредствѣ надежной личности, банкиръ получилъ тайное предупрежденіе, которое, надо думать, принудило его къ столь внезапному отъѣзду. Въ случаѣ его сопротивленія, правительство сунуло бы носъ въ его дѣла, и банкиръ предпочелъ уѣхать.

Оба эти отъѣзда, явившіеся одинъ за другимъ съ внезапностью грома, освѣтившаго безоблачное небо, взволновали Марію Вечеру; суевѣрная, какъ всѣ левантинки, она думала, что ее наказало небо за необычайное счастье.

— Богъ меня наказываетъ, — сказала она Рудольфу, — потому что вы простерли на меня ваше расположеніе, и онъ, по всей вѣроятности, нашелъ, что я отъ этого слишкомъ возгордилась... Намнѣ женились бы уѣхавшіе. Мнѣ стоило бы только рѣшить мой выборъ...

— Но, я также на васъ женюсь, если вы хотите, Марія.

Отъ этой неожиданности Марія, широко открывъ глаза, безмолвствовала. Рудольфъ въ болѣе энергичныхъ выраженіяхъ еще разъ повторилъ напрямикъ сдѣланное заявленіе. Затѣмъ онъ признался, что по его приказанію Алоизій Л. отправился за границу съ порученіемъ, а банкиръ покинулъ Австрію; онъ немогъ перенести, чтобы другой мужчина поднималъ глаза на Марію. И такъ какъ, не безпокоясь и даже не замѣчая его любви къ ней, молодая дѣвушка обѣщала свою руку другому, то кто бы онъ ни былъ, но это обязательство надо было нарушить, чтобы замѣнить другимъ. Не все ли ему равно, что онъ женатъ? Какъ многіе браки государей, разводъ нарушить заключенный бракъ дипломатическимъ путемъ, не касаясь склонности обоихъ супруговъ. Если затруدنѣнія явятся со стороны императора или Рима, то эрцгерцогъ угрожалъ бы отречься отъ своихъ правъ на отцовское наслѣдіе, зная, что его царствованія нетерпѣливо ожидали тѣ, кого унижалъ упадокъ Австро-Венгріи, и кто мечталъ объ ея возстановленіи, подъ управленіемъ молодого и рѣшительнаго государя; онъ не сомнѣвался, что его угроза остановитъ всѣ возраженія, и передъ его волей приклонятся.

Можетъ быть, женщина не столь нѣжнаго возраста, имѣющая хотя слабый опытъ въ жизни и людяхъ, раздумавъ, спросила бы себя, не внушены ли герцогу эти слова безумной страстью, и не былъ ли главной причиной всего планъ Алоизія относительно брака, о которомъ сообщили Рудольфу. Но нѣтъ. Есть ли на свѣтѣ столь благоразумная и серьезная женщина, которая, видя у своихъ ногъ будущаго императора, устояла бы противъ этого соблазна; которая, увидавъ у себя подъ рукою императорскую корону, не овладѣла бы ей прежде всего; которая, ради мѣста среди королевъ и императрицъ, не забыла бы обѣщаній любить и взаимныхъ клятвъ?

— Вы это сдѣлаете?—спросила Марія:—вы это сдѣлаете!—повторила она, не находя другихъ словъ для выраженія мыслей, съ трудомъ понимаемыхъ ею, которыя перепутывались въ ея семнадцатилѣтней головѣ. Рудольфъ отвѣтилъ ей уста къ устами, крѣпко прижавъ ее къ себѣ. Они были одни въ комнатѣ, убранной повосточному и украшенной низкими турецкими диванами. Никакой шумъ не доходилъ извнѣ, чтобы напомнить имъ о дѣйствительности. Молодая дѣвушка была опьянена грезами, которыя унесли ее къ сказочной будущности. Охватившее ее опьяненіе, мало-по-малу, отняло у нея мысль о сопротивленіи, о чувствѣ самоличности и самосознаніи. Болѣе привычный повиноваться своей чувственности, а не повелѣвать ею, Рудольфъ не раздумывалъ долго. Онъ не спросилъ себя: свободно ли существо, которое онъ держалъ въ своихъ объятіяхъ, властно ли оно надъ своими дѣйствіями; и самъ онъ не злоупотребляетъ ли минутой безумія? Онъ чувствовалъ близость нѣжнаго тѣла, трепетавшаго въ его объятіяхъ, со-

дрогавшася, отъ его ласкъ, въ то время, какъ ротъ, который онъ осыпалъ поцѣлуями, полуоткрывался для нихъ; онъ видѣлъ, какъ ея прекрасные глаза, которые онъ такъ любилъ, безвольно полукрывались. Чувствовалъ ли онъ, видѣлъ ли все это? Онъ ничего болѣе не видѣлъ... Желаніе уничтожило всякое другое чувство, кромѣ жажды удовлетворенія этого желанія. Человѣческая мысль, казалось, приостановилась въ опредѣленный моментъ, когда человѣкъ передаетъ жизнь другому существу такъ же, какъ она останавливается въ тотъ моментъ когда совершается тайна смерти...

III.

Если бы онъ примѣнилъ къ ней свои прежнія привычки пресыщеннаго развратника, желающаго всего и ничѣмъ болѣе не удовлетворяющагося, то, овладѣвъ хорошенькою семнадцатилѣтнею «дѣвчонкою», эрцгерцогъ, вѣроятно, устремился бы на другія жертвы. Конечно, его удерживало совсѣмъ не воспоминаніе принятыхъ на себя обязательствъ, какъ бы ни былъ по обыкновенію великодушенъ его умъ. Мужчины съ своимъ эгоизмомъ всегда найдутъ средства согласовать правила общей нравственности съ ихъ личными удобствами: то, что трудно бѣдному, простому гражданину, становится легкимъ для богача, тѣмъ болѣе для наслѣдника престола.

На этотъ разъ обладаніе женщиной не насытило его желанія. Когда Рудольфъ покидалъ объятія своей любовницы, онъ только и мечталъ о томъ моментѣ, когда снова ее увидитъ. Что было въ ея тѣлѣ и крови, что онъ желалъ ее еще и всегда? Покорила ли его противоположность, которая сталкиваетъ двѣ различныя расы, одну съ другою, лучше сказать, наталкиваетъ одну противъ другой? Покорила ли бѣлокурога сѣвернаго нѣмца черноволосая южная гречанка? Была ли это побѣда сѣрыхъ глазъ надъ голубыми? Былъ ли это, какъ всегда случается, тотъ часъ, когда и мужчина, свысока относящійся къ женщинамъ, преклоняетъ колѣно предъ одной изъ нихъ—моментъ, когда Донъ-Жуанъ унижается? Или просто это было потому, что наслѣдникъ престола полюбилъ первый разъ въ жизни?

Съ каждымъ днемъ Рудольфъ сильнѣе привязывался къ своей любовницѣ. Когда ему приходилось послѣ короткаго свиданія разставаться съ нею, онъ испытывалъ глубокую болѣзненную печаль, какъ будто какіе-то когти разрывали его тѣло кусками.

Эти короткія свиданія все чаще и чаще устраивались нѣкоей графиней Лариншъ, «доброй хозяйкой» любовныхъ интригъ Рудольфа. Рожденная баронесса Валлерзе, тѣхъ же лѣтъ, что и наслѣдный принцъ, эта женщина приходилась племянницей императрицѣ Елисаветѣ,

какъ единственная дочь герцога Людвига Баварскаго, который имѣлъ ее отъ своего морганатическаго брака съ актрисой Генріетой Мендель. Еще ребенкомъ она была взята на воспитаніе императрицей Елисаветой. Назначенная придворной дамой, графиня вышла замужъ за графа Лариша, и Елисавета сама вела ее къ алтарю въ венгерскомъ замкѣ Гёдёлё. Рудольфъ очень любилъ общество этой двоюродной сестры, которая изъ его повѣренной превратилась въ посредницу его любовныхъ походовъ. Начитавшись Мольера, онъ удержалъ въ памяти «Фрозину» и прозвалъ такъ свою двоюродную сестру. Въ настоящемъ случаѣ ея услуги были ему нужны, и онъ не замедлилъ прибѣгнуть къ нимъ.

Своей предупредительностью и подарками, которые ей ничего не стоили, Фрозина добилась довѣрія баронессы Вечеры. Она пріѣзжала за Маріей, брала ее то на прогулку, то съ визитомъ, то на торжество и немедленно передавала въ объятія ея любовника.

Такимъ образомъ, вскорѣ графиня явилась для всей семьи, какъ бы посланницей Провидѣнія, избравшаго ее перевязать имъ рану, нанесенную ревнивой судьбою, и снова разлить надъ ихъ домомъ благоденствіе и радость. Дядя Батаджи не могъ утѣшиться послѣ отъѣзда своего пріятеля-банкира, и подъ предлогомъ своего знакомства со всѣми тайнами политики и финансовъ Фрозина давала совѣты относительно того или другого помѣщенія денегъ, той или другой спекуляціи. Никогда не видывали болѣе надежной и болѣе безкорыстной преданности, какъ ея. Батаджи, какъ добрый левантинецъ, совсѣмъ не безпокоился поглубже задуматься о причинахъ особаго расположенія графини къ его сестрѣ и о сплетняхъ достигавшихъ его ушей. «Счастливымъ всегда завидуютъ», говорилъ онъ самъ себѣ. Такая основательная мысль вполне умиротворила его совѣсть.

Счастливымъ? Дядя Батаджи былъ имъ навѣрно; баронесса Вечера, по всей вѣроятности, такъ же, какъ и Фрозина. Но оба любовника были ли одинаково счастливы? На первый взглядъ—да. Когда они находились въ безмолвныхъ апартаментахъ графини Ларишъ, затянутыхъ блѣдно-голубой матеріей, имъ едва хватало времени поговорить, такъ они бесконечно расточали другъ другу ласки и поцѣлуи. Однако, наступалъ часъ разлуки. Послѣ объятій разговоръ принималъ каждый разъ одинъ и тотъ же оборотъ.

Съ того дня, когда Рудольфъ торжественно обѣщалъ Маріи сдѣлать ее своей женою, воспоминаніе объ этомъ обѣщаніи не покидало ея. Преслѣдуемая этой мыслию, Марія приходила въ неистовство, видя, что обѣщаніе не приводится въ исполненіе. Не то, чтобы она не довѣряла Рудольфу, но, будучи суевѣрной, она боялась неожиданнаго случая, который могъ бы нарушить обязательство. «Королева! Императрица!» Эти два слова постоянно были у нея на губахъ. Она шептала ихъ безпрестанно, какъ старая жен-

щина, бормочущая одну и ту же молитву. Когда она проходила мимо императорскаго дворца, или шла через его величественные дворы, она никакъ не могла понять, что еще не живетъ въ этихъ апартаментяхъ съ высокими окнами, недалеко отъ громаднаго зала, гдѣ сіяетъ тронъ Габсбурговъ.

Наслѣдный эрцгерцогъ успокоивалъ свою любовницу совершенно искренно, безъ лжи и обмана. Дѣйствительно, онъ считалъ серьезной клятву, данную въ страстной лихорадкѣ, и мечталъ сдержатъ свое слово; но чѣмъ сильнѣе онъ объ этомъ думалъ, тѣмъ болѣе замѣчалъ, что поведеніе наслѣдника престола не можетъ быть тождественно съ поведеніемъ какого нибудь человѣка изъ толпы, и чаще всего онъ менѣе властелинъ надъ своей особой, чѣмъ послѣдній изъ мелкихъ гражданъ, менѣе свободенъ, чѣмъ послѣдній изъ его подданныхъ.

Однажды онъ отважно сообщилъ свой планъ отцу. На это императоръ ему сказалъ:

— Не съ ума ли ты сошелъ, мой сынъ?

А когда Рудольфъ возобновилъ попытку, то отецъ перебилъ его, сказавъ:

— Мой сынъ, я думалъ, что твои припадки безумія прекратились. Прошу тебя никогда не возвращаться къ этой исторіи. Не принуждай меня выселить съ территоріи имперіи эту искательницу приключеній, которая тебя сдѣлала глупцомъ.

Рудольфъ отвѣтилъ ему безъ гнѣва:

— Если ее выселять, я вмѣстѣ съ нею отправлюсь съ австрійской территоріи.

Императоръ содрогнулся отъ непоколебимаго тона сына. Онъ долго смотрѣлъ на Рудольфа, который стоялъ предъ нимъ не шелеясь. Гнѣвно сверкавшіе глаза государя омрачились печалью.

Послѣ этого втораго свиданія наслѣдникъ престола смутно чувствовалъ, что вокругъ него происходятъ различнаго рода козни и происки.

Онъ замѣтилъ, что за его малѣйшимъ шагомъ шпионятъ. Каждый разъ, какъ онъ пріѣзжалъ къ графинѣ Ларишъ, то видѣлъ у дома господъ, по лицу и внѣшности которыхъ опытный глазъ сразу угадаетъ ихъ профессію. Въ то же время въ разговорахъ съ близкими къ отцу лицами или со значительными политическими личностями, онъ улавливалъ частые намеки на обязанность, которая выпадаетъ на долю будущаго государя. Патеры, начиная отъ придворнаго капелана до папскаго нунція, всѣ вмѣшивались въ это дѣло; они никогда не упускали случая вставлять въ свои разговоры различныя замѣчанія относительно примѣровъ, которые короли обязаны давать своему народу. Всѣмъ онъ отвѣчалъ коротко, сухимъ и рѣзкимъ тономъ, какъ человѣкъ, который хочетъ, чтобы его собесѣдники поняли тщетность вмѣшательства въ дѣла, не касающіяся ихъ.

Онъ не могъ сохранить этого приема, когда однажды его мать, императрица Елисавета, потребовавъ его къ себѣ, сказала:

— Мой сынъ, мой любимый Руди, ты знаешь, что уже много лѣтъ я не дѣлала тебѣ ни малѣйшаго замѣчанія и не просила отъ тебя признанія въ твоемъ частномъ поведеніи. Можетъ быть, въ своемъ материнскомъ сердцѣ я и порицала излишества, которымъ ты предавался. Я слишкомъ хорошо понимаю, какимъ искушеніямъ подверженъ человекъ, который по своему положенію стоитъ выше другихъ, располагая властью и всѣми средствами, и который даетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только самому себѣ. Сегодня съ тобою говорить не мать, а императрица. Ты готовъ совершить, мой сынъ, не только ошибку, но и преступленіе.

Рудольфъ при этомъ словѣ вздрогнулъ.

— Да, мой сынъ,—продолжала императрица, замѣтивъ это движеніе:—повторяю, что это—преступленіе. Какъ наслѣдникъ монархіи, изнуренной отъ столькихъ опасностей и угрожаемой столькими врагами, ты не имѣешь права нанести ей ударъ, который, можетъ быть, довершитъ ея погибель. Ты мечтаешь о разводѣ? Я не говорю тебѣ о печали, какую ты причинишь женщинѣ, совсѣмъ не заслуживающей ея; ты самъ знаешь, въ какую скорбь ты ее повергнешь. Подумалъ ли ты о скандалѣ, который загрязнитъ корону, въ скоромъ будущемъ долженствующую увѣнчать тебя? Габсбурги, отъ которыхъ ты происходишь, не заслуживаютъ быть такъ оскорбляемыми и презираемыми тобою. Умоляю тебя, Рудольфъ, отказаться отъ плана, который равнялся бы отступничеству отъ твоихъ обязанностей, какъ бы измѣнѣ.

— Развѣ вы никогда не любили, мама?—спросилъ Рудольфъ.

— Я любила императора и новую родину, которую онъ далъ мнѣ. Не думаешь ли ты, что я не знала о его заблужденіяхъ въ частной жизни? Я знала обо всѣхъ; добрыя души меня о нихъ предупредили; я прикидывалась, что не знаю о нихъ, жертвуя моими справедливыми чувствами оскорбленной жены для долга государыни и ради тебя, мой дорогой сынъ, императорскаго наслѣдника. Я могла бы отмстить. Я даже признаю право мести какой бы то ни было женщины, которою пренебрегаетъ мужъ. Я отрицаю мечь у государыни, давшей жизнь будущему государю.

— Исторія полна брачныхъ разводовъ королей и императоровъ.

— Есть также императоры и короли убійцы и измѣнники. Прошлыя ошибки не оправдываютъ будущихъ. Тебѣ надо дѣлать то, что ты долженъ, а не то, что другіе дѣлали. Твой долгъ несомнѣненъ, мой сынъ. Невозможно никакое колебаніе. Тебѣ предстоитъ своей энергіей и добродѣтелью поддержать пошатнувшійся тронъ. На тебѣ лежитъ обязанность предъ многими милліонами душъ, для которыхъ ты долженъ пожертвовать своимъ вкусомъ, склонностью, добрыми или злыми желаніями. Ты не имѣешь права безчестить

себя, своихъ предковъ, родителей и подданныхъ безразсуднымъ поступкомъ, который покроетъ ихъ позоромъ.

Рудольфъ всегда выражалъ матери глубокую любовь и уваженіе, полное нѣжности. Первый разъ она говорила съ нимъ такъ строго.

— Я увѣрена, что ты передашь мои замѣчанія женщинѣ...

— Которой я далъ слово.

— Она тебѣ вернетъ его.

— Или умретъ.

— Если она тебя дѣйствительно любитъ, то пожертвуетъ безумными мечтами, какія она создала себѣ.

— Я зародилъ ихъ въ ея умѣ; я самъ ея искалъ. Ея руки просили, и я самъ умолялъ ее отказаться отъ всѣхъ предложеній, чтобы сдѣлаться моей женой.

— Надо, чтобы она считала себя съ этихъ поръ твоей вдовой. Ты долженъ для нея умереть, если хочешь жить для твоей страны, для твоей миссіи. Своимъ добровольнымъ отказомъ она обезпечитъ себѣ уваженіе тѣхъ, у кого душа возвышенна, а чувства благородны: лишь о нихъ однихъ мы должны заботиться. Она не увидитъ выраженія обязательнаго почтенія и официальныхъ привѣтствій, но она будетъ имѣть право гордиться исполненнымъ долгомъ. Ты долженъ дѣйствовать лучше другихъ, мой сынъ, потому что ты выше другихъ. Возвративъ тебѣ свободу, эта женщина станетъ выше тебя, который выше всего свѣта.

— Вы приговорили бы меня къ безконечной печали и вѣчному несчастію.

— А мнѣ развѣ весело? Развѣ я счастлива? Наши подданные имѣютъ право на счастье; мы должны имъ его обезпечить цѣною всевозможныхъ страданій и всевозможныхъ жертвъ.

Рудольфъ замолчалъ. Императрица, которая все время сидѣла, теперь встала.

— Мой дорогой сынъ, мой любимый Руди,—сказала она менѣе увѣреннымъ голосомъ; —я тебѣ недавно говорила, что не мать съ тобою говорить, а императрица. Такъ, нѣтъ, твоя мать также тебя закликаетъ не довершать печали, которую она уже перенесла, не причинять ей горя, котораго она не сможетъ вынести. Я перенесла всѣ мои надежды, честолюбіе и гордость на дорогую мнѣ голову. Единственное благо, которое меня привязываетъ къ жизни, это—ты; единственное счастье, которое я теперь ожидаю,—придетъ отъ тебя. Моя судьба, мое существованіе, можетъ быть, зависятъ и отъ твоей воли. Ты произнесешь мой приговоръ.

Императрица вышла изъ комнаты, и Рудольфъ даже не замѣтилъ ея ухода, настолько его поглотили слышанныя имъ слова Барабаннаго бой и вскорѣ послѣдовавшіе за нимъ трубные звуки

33689c

вывели его изъ оцѣненія, въ которое онъ погрузился. Безсознательно онъ пошелъ по направленію къ звукамъ и приблизился къ окну. Приподнявъ занавѣсъ, онъ увидѣлъ прибывшій батальонъ, который, замѣщая смѣнявшуюся съ караула гвардію, явился охранять императорскій дворецъ. Офицеры привѣтствовали другъ друга. По ихъ командѣ солдаты выравнились. Появился императоръ. Онъ отвѣтилъ на привѣтствіе офицеровъ, прошелъ въ открытые ряды батальона, останавливаясь передъ солдатами и разговаривая съ ними. Затѣмъ онъ всталъ, и предъ нимъ прошелъ отрядъ. Смѣнявшаяся съ караула гвардія направилась въ казармы, тогда батальонъ, который принялъ караулъ, вступилъ въ свои обязанности. Императоръ вернулся во дворецъ. Ежедневно, въ продолженіе сорока лѣтъ, какая бы ни была погода, Францъ-Иосифъ исполнялъ этотъ долгъ въ томъ же неизмѣнномъ порядкѣ; лучше, чѣмъ когда либо, Рудольфъ теперь понялъ символическое величіе отцовскаго поведенія.

Въ тотъ же вечеръ придворная дама, въ сопровожденіи камергера, явилась къ баронессѣ Вечеръ и отвезла ее во дворецъ. Несмотря на свои вопросы, баронесса ничего не могла узнать отъ провожатыхъ, которые, впрочемъ, и сами не знали причины этого приглашенія. Взволнованная и обезпокоенная, она прошла чрезъ цѣлый рядъ залъ и прихожихъ, гдѣ сидѣвшіе на скамьяхъ лакеи вставали съ своихъ мѣстъ, когда она проходила. Подымаясь съ лѣстницы на лѣстницу, переходя изъ однихъ апартаментовъ въ другіе, они достигли, наконецъ, двери, предъ которой стоялъ офицеръ. Оба проводника, откланявшись, покинули баронессу Вечеру. Въ свою очередь ей поклонился и офицеръ. Онъ пропустилъ ее въ охраняемыя имъ комнаты и прошелъ вмѣстѣ съ нею чрезъ три знаменитыхъ залы, гдѣ наслѣдникъ собралъ всѣ охотничьи трофеи: здѣсь были первый убитый имъ медвѣдь, орлы, ястребы и его старая собака Блэкъ; второй залъ былъ переполненъ оружіемъ: тамъ въ витринѣ хранилась его первая охотничья продыравленная шляпа; наконецъ въ третьемъ залѣ находились убитыя Рудольфомъ двѣ бѣлыя серны.

За третьимъ заломъ, въ рабочемъ кабинетѣ, точно также отдѣланномъ, стоялъ, ожидая ее, эрцгерцогъ Рудольфъ. Когда показалась баронесса Вечера, онъ поспѣшилъ ей навстрѣчу, сдѣлалъ офицеру знакъ удалиться и самъ проводилъ за руку баронессу до низкаго кресла, поставленнаго съ правой стороны широкаго письменнаго стола, заваленнаго бумагами. Самъ онъ сѣлъ предъ столомъ въ кресло съ высокой спинкой, обитое кожей.

Тотчасъ же, не останавливаясь на пошлыхъ вѣжливостяхъ, онъ лихорадочно, началъ разговоръ, держа руку у глазъ и иногда останавливаясь, чтобы сдержать рыданіе или перевести духъ. Онъ ска-

заль баронессѣ, вслѣдствіе какого горестнаго обстоятельства и какого непреодолимаго вмѣшательства онъ принужденъ просить у ея дочери возвратить ему торжественную клятву, которую далъ ей.

— Пусть она забудетъ меня!—сказалъ онъ.—Я же никогда ея не забуду. Габсбурги всегда будутъ покровительствовать ей и ея близкимъ. По приказанію императора князь Алоизій, просившій ея руки, будетъ призванъ въ Вѣну. Марія осталась достойна его.

(Рудольфъ лгалъ и зналъ, что жетъ; но есть случаи, когда ложь обязательна).

— Князь Алоизій Л.,—сказала баронесса Вечера:—уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ намъ болѣе не писать.

— Я знаю другихъ, которые желаютъ добиться этой чести...

— Одни изъ нихъ уѣхали, другіе отдалились отъ насъ. Мой племянникъ Батаджи одинъ остался вѣренъ моей дочери.

— Онъ женится на ней, мы осыплемъ ихъ обоихъ милостями. Онъ будетъ знать, что его жена едва не сдѣлалась императрицей, и, конечно, это не будетъ причиной его презрѣнія къ ней. Она можетъ быть счастлива съ любящей матерью и мужемъ, который ее обожаетъ. Я же никогда не узнаю счастья.

Марія Вечера слушала разсказъ матери, устремивъ глаза въ пространство и совершенно уничтоженная. Когда онъ былъ оконченъ, она сказала только эти слова: «Негодяй! негодяй! негодяй!»

Она бросилась на кровать, заливаясь слезами. Мать на минуту вышла, и она осталась одна. Открывъ ящикъ въ столикѣ, въ которомъ лежали различные предметы, она схватила одинъ изъ нихъ: это былъ маленькій револьверъ съ серебряной рукояткой. Живя однѣ, обѣ женщины всегда имѣли подъ рукою, возлѣ кровати, револьверъ. Марія Вечера хотѣла убѣдиться, не испорченъ ли онъ; увѣрившись, что онъ въ порядкѣ, она положила его на прежнее мѣсто, и снова въ отчаяніи опустилась на постель.

Нѣсколько дней спустя, въ Вѣнѣ только и было разговора, что о примиреніи императора съ сыномъ и Руди съ эрцгерцогиней Стефаніей. Хорошо освѣдомленные люди—а такихъ всегда много—утверждали, что эрцгерцогиня послала въ Брюссель къ отцу, Леопольду II, слѣдующую депешу. «Возношу къ небесамъ мои молитвы. Ваша дочь снова безконечно счастлива. Стефанія (Ich jauchse ein Alleluia zum Himmel empor! Eure Tochter est wieder glücklich, unermässlich glücklich. Stephanie)». Съ другой стороны распространилось извѣстіе о помолвкѣ баронессы Маріи Вечера съ ея двоюроднымъ братомъ Батаджи.

Такимъ образомъ, когда на вечерѣ, данномъ нѣмецкимъ посланникомъ, княземъ Рейссомъ, гдѣ присутствовалъ императоръ Францъ-Иосифъ, эрцгерцогъ Рудольфъ, въ полковничьемъ мундирѣ прус-

скихъ улановъ вошелъ съ эрцгерцогиней Стефаніей, улыбавшейся и съ счастливымъ лицомъ, то одинъ французъ, находившійся при посольствѣ, сказалъ своему сослуживцу: «Эта исторія окончилась, какъ пьеса Скриба—свадьбами». Когда же въ продолженіе вечера оба собесѣдника увидѣли въ одномъ изъ пролетовъ окна наслѣднаго эрцгерцога, разговаривавшаго съ Маріей, которую привезла съ собою графиня Ларишъ, то одинъ изъ нихъ произнесъ:—Э! да это мнимое примиреніе супруговъ—не очень-то прочно!

— О!—отвѣтилъ другой:—возвращаться снова къ своей прежней любовницѣ до ея брака съ двоюроднымъ братомъ—удовольствіе утонченнаго развратника.

IV.

За нѣсколько верстъ до Вѣны, на разстояніи отъ Парижа до Версаля, по южной желѣзной дорогѣ, ведущей къ Триесту и Италіи, пріѣзжаешь въ маленькій городъ, называющійся, какъ много другихъ городковъ нѣмецкихъ странъ—Баденомъ. Еще со времени римлянъ, онъ прославился теплыми сѣрными водами, и по воскресеньямъ вѣнцы очень любятъ его посѣщать. Эта страна перерѣзана извилистыми долинами, окруженными высокими горами. Одной изъ любимыхъ прогулокъ путешественниковъ—такъ называемая «Еленинская долина» (Helenenthal).

Изъ этой долины идетъ дорога, которая, слѣдуя за капризными извилинами ручья, направляется къ Святому Кресту (Heiligenkreuz), гдѣ путешественники посѣщаютъ римскую часовню и красивый монастырь. Отъ Святаго Креста они направляются къ самой высокой горѣ въ окрестностяхъ: Желѣзнымъ Воротамъ (Eisern Thor), на вершинѣ, которой возвышается башня, откуда открывается видъ на далекое разстояніе.

Съ дороги, которая ведетъ отъ Бадена къ Святому Кресту, видна почти треть пути; налѣво—другая дорога, направляющаяся въ деревню Алландъ. Путешественникъ, который, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, отправлялся по этой тропинкѣ, вскорѣ встрѣчалъ деревушку, скорѣе нѣсколько домовъ, самое большое, отъ двадцати до двадцати пяти. Тамъ онъ не могъ не замѣтить окруженнаго великолѣпными деревьями,—стволы которыхъ прятались позади старой растрескавшейся стѣны,—сѣроватаго зданія, съ возвышавшейся надъ нимъ башней и колокольней. Это зданіе, которое мѣстные крестьяне называли замкомъ, своей колокольней и готической дверью возбуждало мысль о старомъ монастырѣ, превращенномъ въ жилище. Эта мысль была вѣрна; Габсбурги устроили охотничій домъ въ покинутомъ монастырѣ. Впрочемъ, прогуливавшіеся удѣляли ему незначительное вниманіе; бросивъ бѣглый взглядъ на обрамляющій его лѣсъ, они продолжали свой

путь, стремясь достигъ вершины, которая сулила открыть предъ ними прекрасное зрѣлище. Теперь, напротивъ, всё проходящее здѣсь—останавливаются. Предъ ихъ глазами возвышается готическая, совсѣмъ новая, бѣлая каменная часовня, гдѣ иногда, если дверь остается полукрѣпкой, можно видѣть стоящую на колѣняхъ сестру кармелитку; позади стѣны попрежнему возвышаются деревья. Монастырь, обратившійся въ охотничій домикъ, снова вернулся къ своему прежнему назначенію: онъ сдѣлался убѣжищемъ для молитвы. Путешественникъ останавливается предъ нимъ, смотритъ на него и раздумываетъ; онъ въ Мейерлингѣ, предъ таинственнымъ домикомъ, который прежде такъ мало обращалъ на себя вниманія, теперь же сдѣлался знаменитымъ: здѣсь былъ убитъ наслѣдникъ эрцгерцога Рудольфа, 30-го января 1889 года.

Съ того дня, какъ Рудольфъ уступилъ настояніямъ матери, онъ снова вошелъ во вкусъ охотничьихъ волненій—его любимого удовольствія. Во дворцѣ нисколько не обезпокоились, когда онъ объявилъ чрезъ день послѣ бала въ австрійскомъ посольствѣ,—это былъ понедѣльникъ, 28 января,—что отправляется въ Мейерлингъ, гдѣ уже собрались приглашенные: его зять Филиппъ Саксъ-Кобургъ, графъ Гойосъ и графъ Вальдштейнъ. Эрцгерцогъ поѣхалъ не въ придворномъ экипажѣ, а съ наемнымъ кучеромъ, которому онъ вполне довѣрялъ и пользовался его услугами для своихъ проказъ. Имя этого кучера было Иоганнъ Транкилини, но его прозвали Братфишемъ (жареной рыбой), потому что его наружность была далеко не обворожительна, что и вызвало это прозвище. Братфишъ обладалъ однимъ талантомъ, которымъ очень гордился: онъ свисталъ въ совершенствѣ. Когда Рудольфъ однажды попросилъ его просвистать одну арію изъ оперы, то онъ былъ внѣ себя отъ радости. Этотъ-то Братфишъ и повезъ наслѣдника въ Мейерлингъ. Путешествіе длилось долѣе обыкновеннаго, такъ какъ толстый слой снѣга покрывалъ дорогу. Едва они пріѣхали въ Мейерлингъ, какъ Братфишъ снова отправился въ Вѣну. На другой день, во вторникъ, 29-го, Рудольфъ, подъ предлогомъ утомленія не пошелъ на охоту съ товарищами. Въ тотъ же день Марія Вечера, находившаяся въ Вѣнѣ, отправилась вмѣстѣ съ графиней Ларишъ къ издателю нотъ, на Грабенѣ. Обѣ дамы оставались въ магазинѣ недолго. Когда онѣ вышли, Марія стала озираться по сторонамъ. Вдругъ раздался пронзительный свистъ; Марія улыбнулась: она узнала Братфиша. Быстро вскочивъ въ экипажъ, она пожала руку своей подруги и поѣхала. Склонившись къ окну дверцы, она стала смотрѣть, не наблюдаетъ ли за нею какая нибудь подозрительная личность, но вслѣдствіе ужасной погоды полиція грѣлась во внутреннемъ помѣщеніи полицейскаго поста. Да, она за нею не слѣдила, но зато ея двоюродный братъ, Багаджи, шпионившій уже нѣсколько дней каждый ея шагъ, послѣдовалъ за нею въ Мейерлингъ.

Въ тотъ же вечеръ, 29-го января, въ Гофбургъ долженъ былъ состояться большой обѣдъ въ честь эрцгерцогини Валеріи и ея жениха, эрцгерцога Сальватора. Эрцгерцогъ тоже обѣщаль присутствовать на обѣдѣ. Въ полдень Рудольфъ телеграфироваль эрцгерцогинѣ Стефаніи, что утомился на охотѣ и возвратится только на другой день. Совершивъ еще болѣе трудное путешествіе, чѣмъ наканунѣ, Братфишъ привезъ Марію Вечеру въ Мейерлингъ.

Едва оба любовника соединились, какъ два другихъ неожиданныхъ гостя также пробрались въ замокъ: женихъ Маріи и ея дядя. Появленіе обоихъ Батаджи вызвало въ Рудольфѣ не менѣе, чѣмъ въ Маріи, удивленіе и возбудило въ немъ сильное раздраженіе такъ же, какъ и въ ней. Явившись сюда съ цѣлью сдѣлать послѣднюю попытку къ сближенію и постараться вернуть Рудольфа къ себѣ и снова овладѣть имъ, Марія увидѣла, что ревнивый женихъ препятствуетъ ея плану. Въ свою очередь эрцгерцогъ спрашиваль себя: кто предупредилъ обоихъ родственниковъ Маріи? Можетъ быть, она сама? но зачѣмъ? Молодой родственникъ оправдалъ ее въ этомъ подозрѣніи.

Они довольно оживленно объяснялись. Причину своей поѣздки въ Мейерлингъ Марія объяснила желаніемъ попросить у наслѣдника престола милости для жениха, чтѣ было трудно исполнить въ Вѣнѣ послѣ слуховъ, распространившихся тамъ. Батаджи-племянникъ прикинулся, что принялъ это объясненіе, и споръ утихъ.

Товарищи Рудольфа по охотѣ, графъ Гойосъ и графъ Вальдштейнъ, уже возвратились. Не хватало только Кобурга, уѣхавшаго послѣ полудня въ Вѣну: онъ участвовалъ на Гофбургскомъ обѣдѣ. Въ тотъ моментъ, когда императорская семья садилась за обѣдъ, Мейерлингскіе гости, соединившіеся вмѣстѣ, благодаря непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, находились за столомъ. Здѣсь были эрцгерцогъ Рудольфъ, графъ Гойосъ, графъ Вальдштейнъ, дядя Батаджи, женихъ Батаджи и Марія Вечера—всего, не болѣе не менѣе, какъ десять человекъ. Охотники проголодались и хорошо ѣли и пили. Въ каминѣ пылалъ сильный огонь: въ немъ горѣли четыре огромныя полѣна, согрѣвая температуру небольшого зала, украшеннаго въ томъ же вкусѣ, какъ апартаменты наслѣднаго принца въ Гофбургѣ, т. е. развѣшенными по стѣнамъ охотничьими трофеями и оружіемъ, какъ огнестрѣльнымъ, такъ и холоднымъ.

Садясь за столъ, Рудольфъ нервно сказалъ:

— Я забылъ одно и извиняюсь предъ вами!

— Что такое?—воскликнули приглашенные.

— Скрипки! Я объ этомъ не подумаль. Впрочемъ, у насъ есть Братфишъ!

Показался Братфишъ, котораго привелъ слуга.

— Ты намъ сейчасъ просвистишь свадебный маршъ изъ Лоэн-рина! Отличись!

Братфишъ просвисталъ свадебный маршь изъ Лоэнгина, въ то время какъ Рудольфъ вмѣсто акомпанимента стучалъ ножемъ по тарелкѣ, заставляя собесѣдниковъ подражать ему.

Разговоръ велся обо всемъ понемногу: объ охотѣ, о городскихъ и придворныхъ сплетняхъ, о генералѣ Буланжэ, котораго Парижъ избралъ наканунѣ депутатомъ, о Бисмаркѣ, о войнѣ, о женщинахъ и о любви. Всѣ оживились. Наслѣдный принцъ, котораго раздражалъ насморкъ, схваченный на холодѣ и вызвавшій воспаленіе горла, пилъ много; на столѣ подавалось одно лишь шампанское. Все время съ помощью какихъ нибудь уловокъ или внезапно онъ переводилъ разговоръ на предстоящій бракъ, какъ будто его преслѣдовала упорная мысль.

— Признайтесь-ка, Батаджи, — обратился онъ къ жениху Маріи: — признайтесь, что это довольно необычный приемъ хоронить холостую жизнь въ обществѣ невѣсты. Это довольно оригинально.

И, обернувшись къ Маріи, онъ прибавилъ:

— Благодарите меня. Согласно смѣшному обычаю всѣхъ молодыхъ людей, онъ, можетъ быть, пригласилъ бы одну изъ «этихъ дамъ» Оперы или Бургъ-театра. Не правъ ли я, помѣшавъ этому безумію?

Марія отвѣчала лишь принужденной улыбкой.

— Ахъ, дружокъ, тебѣ везетъ! — продолжалъ онъ, обращаясь къ молодому Батаджи: — я не скрываю, что завидую твоему счастью. Можетъ быть, тебѣ говорили о планѣ, который я составилъ, чтобы разрушить твой бракъ. Будь я свободенъ, — я всѣми средствами оспаривалъ бы у тебя твою невѣсту... Споръ окончился бы, безъ сомнѣнія, исчезновеніемъ одного изъ насъ... Все это прошло... Я будущій императоръ, я обязанъ моему народу. По крайней мѣрѣ, это утверждаетъ моя мать. Повинуемся ей... Дадите ли вы, по крайней мѣрѣ, вашей невѣстѣ счастье, котораго заслуживаетъ эта прелестная молодая дѣвушка, красота которой завоевала всѣ сердца въ Вѣнѣ, королева граціи, принцесса всѣхъ очарованій, которая едва не сдѣлалась императрицей!... Подумайте, если вы не исполните этого долга, вы совершите преступленіе — оскорбленія красоты... И мы съ вами расправимся, какъ съ уголовнымъ преступникомъ; у насъ къ вамъ не будетъ никакого состраданія.

Молодой Батаджи отвѣтилъ сухимъ тономъ.

— Не бойтесь, ваше высочество, я сумѣю обезпечить счастье моей жены. Я сумѣю также защитить свое.

— О! о! — воскликнулъ графъ Гойосъ: — онъ ревнивый!

— Да, — отвѣтилъ молодой человекъ, поднявшись: — я — ревнивый. И несчастье, трижды несчастье тому, кто бы онъ ни былъ, кто осмѣлится выказать непочтеніе къ той, которая завтра будетъ моей женой, а сегодня еще моя невѣста!

Эти гордые слова были встрѣчены бурнымъ, конвульсивнымъ хохотомъ эрцгерцога.

— Ревнивый!—воскликнулъ Рудольфъ, — отнесись непочтительно къ его женѣ, къ его невѣстѣ!... Такъ смотри же, почтительно ли я отношусь къ твоей невѣстѣ!

Въ это время взявъ правой рукой Марію Вечера за талью, лѣвой же держа ея руки, онъ поцѣловалъ ее въ грудь.

— Ваше высочество,—воскликнулъ молодой Батаджи:—перестаньте! вы пьяны!... перестаньте!...

— Защити меня! Защити меня!—воскликнула Марія.

— Тебя защищать!—возразилъ наслѣдникъ престола:—онъ не осмѣлится! Полно! онъ хорошо знаетъ,—не правда ли?—что я былъ твоимъ любовникомъ и буду имъ еще,—не правда ли?—моя крошка Марія...

— Но защити же меня, защити же меня!...—кричала Марія.

Всѣ приглашенные со смущеннымъ взоромъ встали. Дядя Батаджи хотѣлъ помочь своей племянницѣ и вырвать ее отъ яростнаго безумія Рудольфа; графъ Гойосъ остановилъ его. Дядя Батаджи взялъ со стѣны изъ арматуры одно изъ оружія; графъ Гойосъ схватилъ другое—охотничью пику, и прежде чѣмъ первый сдѣлалъ шагъ, всадилъ ему въ животъ. Въ то же мгновеніе молодой Батаджи, вырвавшись изъ рукъ графа Вальдштейна, хотѣвшаго его удержать, схватилъ стоящую на столѣ въ ведрѣ со льдомъ бутылку шампанскаго и бросилъ ее въ наслѣднаго принца. Рудольфъ лежалъ лицомъ на груди молодой дѣвушки, подставилъ подъ ударъ свой затылокъ; бутылка шампанскаго, брошенная съ яростной силой, ударившись объ него, разлетѣлась вдребезги, разбивъ черепъ наслѣднаго принца. Въ то самое мгновеніе Марія, которая теперь могла освободить свою правую руку изъ объятій Рудольфа, быстро поднесла ее къ карману своего платья, взяла маленькій серебряный револьверъ, съ которымъ никогда не разставалась послѣ разговора съ матерью, и нажала пальцемъ собачку; но движеніе принца, пораженнаго ударомъ бутылки, измѣнило направление оружія, и пуля, предназначенная Рудольфу, ударила прямо въ сердце той, которую она должна была защитить.

Достаточно было минуты, чтобы уничтожить два существованія: третья жертва хрипѣла на полу. Графъ Гойосъ, графъ Вальдштейнъ, Братфишъ и лакеи — всѣ бросились на помощь къ наслѣднику престола, мозгъ котораго раскрошился на окровавленной скатерти. Онъ держалъ въ своихъ окоченѣлыхъ отъ смерти объятіяхъ Марію Вечеру и не выпускалъ ея. Помощь была бесполезна: было слишкомъ поздно принять какія либо мѣры для спасенія его и Маріи. Молодой Батаджи стоялъ, устремивъ глаза, какъ окаменѣлый. Его дядя съ вываливавшимися внутренностями издавалъ жалобные крики.

Такъ иногда оканчивались въ прежніе вѣка оргіи великихъ убійць и пьянства ландскнехтовъ или нѣмецкихъ рейтаровъ, гдѣ

текло столько же крови, сколько вина. Гнѣвъ и опьяненіе обнаружили подъ бѣлой и тонкой кожей варвара и дикаря, какимъ всегда и безконечно останется человѣкъ.

На другой день, въ сумерки, тѣло наслѣднаго эрцгерцога было перевезено во дворецъ и положено въ рабочемъ кабинетѣ, гдѣ за нѣсколько дней до этого онъ принималъ баронессу Вечера. Всѣмъ извѣстно, какая печаль, изумленіе и ужасъ сопровождали эти похороны. Обнародованные документы свидѣтельствуютъ объ этомъ.

Можетъ быть, вмѣсто всѣхъ официальныхъ рѣчей, надо было бы повторить короткую надгробную рѣчь, произнесенную когда-то наслѣднымъ эрцгерцогомъ надъ тѣломъ одного молодого гвардейскаго офицера, который упалъ мертвымъ на глазахъ Рудольфа отъ удара лошадинымъ копытомъ: «Я оплакиваю этого офицера, — сказалъ наслѣдный эрцгерцогъ:— не оттого, что онъ умеръ, а потому, что онъ кончилъ жизнь недостойно для своей храбрости. Онъ долженъ былъ умереть лучше».

Когда похоронная процессія съ тѣломъ наслѣдника покинула Мейерлингъ, баронесса Вечера, привезенная полицейскими сыщиками, признала трупъ своей дочери; послѣ этого тотчасъ же, не давъ ей времени повидать брата, который страдалъ въ сосѣдней комнатѣ, ее отправили въ Вѣну.

Затѣмъ слуги заказали столяру, жившему въ Святомъ Крестѣ, простой гробъ; необходимо было, чтобы его доставили въ тотъ же вечеръ.

Дѣйствительно въ одиннадцать часовъ ночи предъ лавкой столяра остановилась охотничья карета. Изъ нея съ предосторожностью слуги вынули тщательно завернутый предметъ и внесли въ маленькій домъ. Оттуда раздавалось нѣсколько ударовъ молотка и вскорѣ появились слуги, держа въ рукахъ гробъ, покрытый траурнымъ покровомъ. Не было ни пѣнія, ни молитвъ: только среди ночной тиши раздавались глухіе шаги по мягкой снѣжной пеленѣ.

Такъ состоялись похороны Маріи Вечера, которую отвезли въ монастырь Святого Креста.

На двойномъ камнѣ, составляющемъ ея могилу, теперь возвышается гранитная глыба съ крестомъ на верху. На мраморной доскѣ находится слѣдующая надпись: «Баронесса Марія Вечера, родилась 19-го марта 1871 года, умерла 30-го января 1889 года. Человѣкъ вырастаетъ, какъ цвѣтокъ, и какъ онъ—сорванъ». Часто на могилѣ, окруженной металлической рѣшеткой, лежатъ свѣжіе цвѣты. Кто ихъ кладетъ или приказываетъ класть? Неизвѣстно.

Въ то время, какъ мертвое тѣло дочери было такимъ образомъ ночью отправлено въ ея послѣднее жилище, баронесса Вечера, въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ сыщиковъ, была отвезена на станцію, гдѣ сѣла на поѣздъ въ Венецію. Днемъ она получила

приказъ безотлагательно выѣхать изъ Вѣны. Она имѣла время и ей разрѣшили распроститься съ графиней Ларишъ. Она умоляла ее вручить императрицѣ записку, которую привезла съ собою. Графиня взялась за это. Письмо, дѣйствительно достигло императрицы, и вотъ что прочитала императрица Елисавета:

«Это вы убили мою дочь. Богъ отомститъ за меня!—Баронесса Вечера».

ЭПИЛОГЪ.

Съ тѣхъ поръ судьба, повидимому, сразила свидѣтелей и исполнителей этой мрачной трагедіи.

Въ будущемъ Мейерлингъ явится, какъ новыя Микены съ своими окровавленными или преступными Атридами; даже оба пейзажа, которыми любовался путешественникъ, покажутся ему похожими.

Молодой Батаджи исчезъ, и его никогда болѣе не видѣли. Гдѣ онъ? Живъ ли? Умеръ ли? Никто ничего не знаетъ, кромѣ тѣхъ, которые позволили ему жить или его убили.

Баронесса Вечера также исчезла вмѣстѣ съ дочерью Ганни: гдѣ онъ? Подъ какимъ именемъ скрываются, если еще живы?...

Нѣсколько дней спустя послѣ трагической ночи, Батаджи умеръ въ Баденѣ вслѣдствіе ранъ, нанесенныхъ ему графомъ Гойосомъ, теперь тоже скончавшимся; кучера Братфиша, который отвезъ Рудольфа въ Мейерлингъ живымъ, а привезъ обратно мертвымъ, болѣе не видѣли и, нѣсколько лѣтъ спустя, узнали, что онъ умеръ сумасшедшимъ въ больницѣ для умалишенныхъ на островѣ Вардѣ, въ Америкѣ.

Наконецъ, императрица Елисавета умерла подъ кинжаломъ убійцы, Луккени, послѣ своей сестры, герцогини Софіи Алансонъ, заживо сгорѣвшей на благотворительномъ пожарѣ; послѣ своего зятя, Максимилиана I-го, разстрѣляннаго 19 іюня 1867 г. въ Кверетаро; любимаго двоюроднаго брата, короля Людвига Баварскаго, утонувшаго или утопленнаго въ Старнбергскомъ озерѣ, 13 іюня 1886 г.; зятя, графа Трани, убившаго себя въ Цюрихѣ; племянницы эрцгерцогини Матильды, заживо сгорѣвшей, и, наконецъ, своего дорогого сына.

Она умерла на Женевской набережной, тамъ, гдѣ, совершенно забывъ о случившейся драмѣ, путешественники проходятъ, чтобы переправиться чрезъ Леманское озеро.

.....
Я долго смотрѣлъ на чинаръ, позади котораго скрывался убійца, прежде чѣмъ броситься на императрицу; это—третье дерево на на-

бережной, направо отъ гостиницы «Beau Rivage». Первое время его показывали любопытнымъ зрителямъ, теперь же никто болѣе не спрашиваетъ, гдѣ оно; это дерево сдѣлалось такъ же безразлично, какъ преступникъ и жертва.

Глядя на него, я вспомнилъ слова Мориса Баресса: «съ сердцемъ, пронзеннымъ тонкимъ остріемъ, императрица еще продолжала идти. Только на мостикѣ парохода она упала и спросила: «Что такое?»... Она сама умирала и еще спрашивала: «Что такое?»

Одни говорятъ, что на этотъ вопросъ звѣрь, убившій женщину, ничего не отвѣтилъ; другіе увѣряютъ, что онъ прошепталъ: «Мейерлингъ!»

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Когда въ журналѣ «Minerva» появился настоящій рассказъ о драмѣ въ Мейерлингѣ, всѣ газеты не только парижскія, но и заграничныя, принялись резюмировать и оспаривать его.

Съ другой стороны, издатель журнала получилъ массу писемъ, особенно изъ-за границы. Однажды его посетилъ нѣкая личность, близко стоящая къ политическому міру Австріи, и которую назвать я отказываюсь; она сказала слѣдующее: «Рассказъ, напечатанный вами, не во всѣхъ отношеніяхъ точенъ. Было бы очень легко указать автору на сдѣланныя имъ неточности. Такой, какъ онъ есть, этотъ рассказъ насъ очень стѣсняетъ».

Но рассказъ уже появился: его не остановить.

Онъ сдѣлалъ свое дѣло.

Однако онъ встрѣтилъ возраженія и противорѣчія. Такъ «Liberté», приведя главныя выдержки рассказа, писала слѣдующее:

«Таковъ рассказъ Адерера о драмѣ въ Мейерлингѣ—рассказъ, впрочемъ совершенно романическій, если вѣрить одной личности, которая въ эту эпоху по своимъ обязанностямъ имѣла доступъ къ австрійскому двору и слѣдовательно лучше, чѣмъ кто либо, знала истину. По словамъ этой личности, вотъ какъ происходило дѣло. Было и убійство, какъ говоритъ Адереръ, но убійца не двоюродный братъ Маріи Вечеры, а близкій другъ эрцгерцога, графъ Вальдштейнъ.

«Графъ Вальдштейнъ былъ очень влюбленъ въ Марію Вечеру, и въ тотъ день, когда она отправилась въ каретѣ Братфиша въ Мейерлингъ, онъ предупредилъ ея дядю и попечителя, Батаджи, и взялъ его съ собою въ Мейерлингъ. Графъ явился туда, какъ посланный отъ императора съ безотлагательнымъ порученіемъ и проникнулъ вмѣстѣ съ Батаджи въ комнату, гдѣ лежали эрцгерцогъ и Марія. Тамъ, охваченный ревностью, онъ выстрѣлилъ въ

Марію Вечеру и наповаль убилъ ее, попавъ прямо въ сердце. Тогда Рудольфъ схватилъ свой револьверъ и серьезно ранилъ Батаджи и графа Вальдштейна; тѣмъ не менѣе, послѣдній имѣлъ еще достаточно силъ, прежде чѣмъ упалъ мертвый на полъ, разбить бутылку шампанскаго о лобъ наслѣднаго принца, который упалъ и немедленно скончался. Графъ Вальдштейнъ умеръ чрезъ нѣсколько секундъ; что же касается Батаджи, то онъ скончался четыре мѣсяца спустя, вслѣдствіе полученныхъ ранъ.

«Графъ Вальдштейнъ и Марія Вечера были похоронены въ ту же ночь въ Святомъ Крестѣ. Тѣло же наслѣдника австро-венгерскаго престола было отвезено въ Вѣну и выставлено въ Гофбургѣ. Одинъ изъ корреспондентовъ берлинскаго «Lokalanzeiger», Изидоръ Фуксъ, находившійся въ то время въ Вѣнѣ и видѣвшій эрцгерцога на парадномъ катафалкѣ, говоритъ, что рана была на лбу, а не на затылкѣ, и скрыта повязкой.

«Что стало съ баронессой Вечера? По словамъ Адерера, она на другой же день послѣ драмы была выслана съ австрійской территоріи. Умерла ли она съ тѣхъ поръ? Ничего не извѣстно. Но большинство лицъ, замѣшанныхъ въ эту исторію, повидимому, подверглись удару судьбы... Еще недавно стало извѣстно, что прежній адъютантъ наслѣднаго принца Рудольфа, графъ Александръ Бамбелль, бывшій свидѣтелемъ драмы въ Мейерлингѣ, былъ заключенъ въ домъ умалишенныхъ».

Такимъ образомъ, по словамъ «Liberté», убійство было. Вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстный журналистъ и главный сотрудникъ «Eclair», г. Монторгейль, помѣстилъ содержаніе моего разсказа и расхвалилъ его. Но, передавъ его одному лицу, по своему положенію и связямъ близко стоявшему къ австрійскому двору и знакомому съ свидѣтелями Мейерлингской драмы и ея подробностями, онъ услышалъ слѣдующій отвѣтъ.

«Я сразу могу раскритиковать этотъ картинный разсказъ, сдѣланный во вкусъ драматическаго автора; во всякомъ случаѣ остерегайтесь прочесть въ немъ страницу исторіи. Подождите нѣсколько дней, и я освѣщу всѣ эти вопросы французамъ, которые введены въ заблужденіе этими разсказами».

Мы подождали. Нашъ корреспондентъ освѣжилъ свои воспоминанія бесѣдою съ однимъ ему близкимъ лицомъ, видѣвшимъ тѣло покойнаго наслѣдника, Рудольфа, находясь въ эти печальныя минуты возлѣ императора. Онъ намъ писалъ:

«Вѣна, 12-го марта.

«Милостивый государь!

«Вотъ факты во всей ихъ подлинности: если вы найдете нужнымъ, ознакомьте съ ними вашихъ соотечественниковъ.

«Эрцгерцога Рудольфа сопровождали на охоту только его зять, герцогъ Кобургскій, и графъ Гойосъ. Г. Адереръ неправильно заста-

вилъ фигурировать тамъ графа Вальдштейна. Всѣ эти лица охотились до очень поздняго вечера и возвратились по своимъ pokojамъ, такъ какъ эрцгерцогъ обнаружилъ сильную усталость. Онъ покинулъ ихъ, чтобы отправиться въ свою комнату, гдѣ безъ ихъ вѣдома находилась Марія Вечера, тайно привезенная Братфишемъ.

«Общаго ужина не было, и въ продолженіе всей ночи въ Мейерлингѣ не находилось другихъ лицъ.

«Утромъ герцогъ Кобургъ и графъ Гойосъ, удивленные, что эрцгерцогъ еще не всталъ, обезпокоились его молчаніемъ и велѣли открыть двери его комнаты. Они увидѣли на постели два трупа. Очевидно было двойное самоубійство. Обезумѣвъ и желая избѣжать скандала, они задумали замаскировать самоубійство несчастіемъ на охотѣ, жертвой котораго сдѣлался наслѣдникъ. Они распространили этотъ слухъ, и, чтобы сдѣлать его болѣе достовѣрнымъ, приказали убрать трупъ Маріи Вечера, которая совсѣмъ не была раздѣта. Это было главной ошибкой; въ этомъ надо видѣть происхожденіе всѣхъ разсказовъ, которые съ тѣхъ поръ обѣжали весь свѣтъ.

«Когда императоръ узналъ эту ужасную истину, онъ приказалъ, чтобы ему рассказали ее цѣликомъ, ничего не скрывая. Въ этомъ еще помогли ему найденныя въ Вѣнѣ два письма эрцгерцога: одно было адресовано женѣ и дочери, и въ немъ эрцгерцогъ съ ними прощался, моля прощенія. Въ другомъ, въ родѣ духовной, онъ дѣлалъ нѣкоторыя личныя распоряженія.

Говорятъ, что въ одномъ изъ желѣзныхъ шкаповъ дворца существуетъ какой-то странный сундукъ, который будетъ открытъ чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, и въ которомъ находятся подробности этой драмы: вся эта басня-тайна объясняется въ этихъ двухъ письмахъ, или, скорѣе, нѣтъ, тамъ ничего не существуетъ. Эрцгерцогъ нигдѣ не оставилъ слѣдовъ или объясненій побудительной причины, которая заставила его принять это трагическое рѣшеніе. Онъ не далъ объясненія никому и ни въ какой другой рукописи. Въ этомъ заключается Мейерлингская тайна, давшая хорошій матеріалъ драматургамъ, романистамъ и психологамъ.

«Эта драма была традиціоннымъ самоубійствомъ потерявшихъ голову любовниковъ; на вершинѣ социальной іерархіи достаточно трагическаго величія, чтобъ было необходимо придавать ей вѣсу подробными аксессуарами.

«Я разговаривалъ съ одной особой, которая мнѣ ничуть не лгала. Она видѣла тѣло эрцгерцога, и черепъ его не былъ разбитъ.

«— Кто ему разбилъ его? Женихъ Маріи Вечеры, ея двоюродный братъ «Батаджи». Родственники г-жи Вечера были Бальтацци. У ея четырехъ сестеръ или не было дѣтей, или, были все дѣвушки. Ея братьевъ знаетъ вся Вѣна: Аристидъ, женатый на баронессѣ Штоккау, и Гекторъ—на графинѣ Угартъ; у нихъ дѣтей нѣтъ;

самый младшій только что женился на внучкѣ барона Габера, а старшій, Александръ, не женатъ.

«Въ 1889 г. у Маріи Вечера не было двоюроднаго брата Бальтацци.

«Что касается до дяди, убитаго ударомъ пики, нанесеннымъ графомъ Гойосомъ, то это могъ быть только Александръ или Генрихъ: кромѣ этихъ двухъ лицъ, ни одинъ изъ Бальтацци не удался вслѣдствіе серіозныхъ ранъ, и хотя эта драма ихъ печалила, но они не умерли отъ нея.

«Исчезла также баронесса Вечера и ея вторая дочь, Ганни,— пишетъ Адереръ.—Онъ ошибается, Баронесса Вечера все еще живетъ въ Вѣнѣ, и у нея только одинъ сынъ, гусарскій офицеръ. Ея вторая дочь, вышедшая замужъ за графа Биландта, умерла въ Римѣ, годъ спустя послѣ замужества.

«А Братфиншъ, котораго, по разсказу Адерера, упрятали въ домъ умалишенныхъ въ Америкѣ, оставался кучеромъ и умеръ въ Вѣнѣ въ 1892 г., просто отъ воспаления легкихъ.

«Эти замѣтки не имѣютъ очарованія и неожиданности игры воображенія, и я опасаюсь, не покажутся ли онѣ вамъ немного сѣрыми, но зато онѣ вѣрныя. Я посылаю ихъ вамъ для тѣхъ изъ вашихъ соотечественниковъ, которые интересуются исторіей, другіе пусть останавливаются на прелестяхъ вымысла».

Газета «Liberté» въ свою очередь прибавила слѣдующія подробности: «Этотъ второй разсказъ—точная истина; это мнѣніе одного вѣнца, въ настоящее время проживающаго въ Парижѣ, и который долго находился въ дружественныхъ сношеніяхъ съ барономъ Вейленомъ. Послѣдній, прежній воспитатель и другъ принца, сообщилъ ему многія подробности драмы и ея причину. Вотъ разсказъ этой личности:

«Я жилъ въ Вѣнѣ въ эпоху, когда произошла ужасная Мейерлингская драма. Въ этотъ день, переходя около десяти часовъ утра чрезъ Гофбургскую площадь, я замѣтилъ на дворцовомъ дворѣ человекъ тридцать, аристократовъ, явившихся за извѣстіями. Графъ Гойосъ пріѣхалъ въ каретѣ: онъ былъ еще въ охотничьей одеждѣ; его черты лица были взволнованы, а блѣдность необычайна. Онъ прямо поднялся къ императору, которому сообщилъ мельчайшія подробности о смерти эрцгерцога. Никто изъ придворныхъ не осмѣливался взять на себя отвѣтственность сообщить роковую новость императрицѣ, которая выражала своему Руди настоящее обожаніе, а потому императоръ просилъ графа Гойоса немедленно отправиться къ ея другу, г-жѣ Шратгъ, и попросить ее пріѣхать во дворецъ, чтобы приготовить императрицу къ ужасному событію. Все это произошло между десятью и двѣнадцатью часами. При дворѣ всѣ потеряли голову, и приближенные императора не знали, какія свѣдѣнія сообщить журнальнымъ агентамъ. Первое объясненіе, распро-

странившееся о смерти эрцгерцога, былъ апоплексическій ударъ: затѣмъ говорили о приключеніи на охотѣ и наконецъ признались въ самоубійствѣ. Императоръ дѣйствительно отказался скрывать истину, которая, какъ онъ зналъ, должна когда нибудь обнаружиться. Но во всѣхъ трехъ объясненіяхъ не было вопроса объ имени Маріи Вечера.

«Двѣ недѣли спустя послѣ драмы, баронесса Вечера распространила въ литературныхъ и артистическихъ кружкахъ Вѣны разсказъ объ этой драмѣ, въ формѣ рукописи листовъ въ сто. У меня была въ рукахъ эта рукопись; я прочиталъ ее, и тамъ не было намека на насильственные дѣйствія противъ личности эрцгерцога. Баронесса энергично защищалась отъ участія въ поощреніи любовныхъ отношеній эрцгерцога къ ея дочери, которая нашла посредницу въ лицѣ графини Ларишъ-Валерзее, высокопоставленной дамы, которую давно уже и не безъ причины отдалили отъ двора. Баронесса Вечера особенно возставала противъ святотатственнаго пріема, съ которымъ было взято и погребено тѣло ея дочери. Вотъ слова баронессы:

«Когда, на разсвѣтѣ, графъ Гойосъ проникнулъ въ комнату эрцгерцога и обнаружилъ трупы, его первой заботой было заставить всѣхъ думать о несчастномъ случаѣ на охотѣ, а для этого надо было скрыть тѣло молодой дѣвушки. Онъ приказалъ Братфишу заложить экипажъ и снести въ него совершенно одѣтый трупъ Маріи Вечеры, которую онъ поставилъ во весь ростъ возлѣ себя. Братфишъ вскочилъ на козлы, и карета направилась въ Св. Крестъ, мѣстность, расположенную въ трехъ, четырехъ километрахъ отъ Мейерлинга, гдѣ находится монастырь бенедиктинцевъ. Графъ приказалъ немедленно похоронить молодую дѣвушку на кладбищѣ, гдѣ теперь возвышается мавзолей, посѣщаемый всѣми иностранцами, проѣзжающими чрезъ Вѣну; сами вѣнцы часто туда ходятъ, какъ на поклоненіе.

«Что касается причинъ драмы—онѣ тоже извѣстны. Уже давно эрцгерцогъ Рудольфъ и эрцгерцогиня Стефанія жили въ несогласіи. Говорятъ, что здоровье эрцгерцогини было не чуждо отдаленію принца, похождения котораго служили пищей для скандальной хроники Вѣны. Даже былъ вопросъ о разводѣ, но вмѣшательство папы мѣшало несогласію принять острый характеръ.

«Наконецъ, императору удалось послѣ частыхъ свиданій съ сыномъ и невѣсткой примирить ихъ, и это событіе, какъ говорили, должно было получить официальное освященіе на большомъ обѣдѣ, данномъ при дворѣ 29 января. Въ этотъ день эрцгерцогъ былъ въ Мейерлингѣ. Онъ зналъ, что его отсутствіе до крайности разсердитъ императора, который никогда не проститъ обиды, нанесенной, какъ ему, такъ и эрцгерцогинѣ Стефаніи, и въ томъ состояніи духа, въ которомъ Рудольфъ находился, неудивительно, что онъ думалъ о самоубійствѣ и убилъ себя.

«Я знаю отъ прежняго воспитателя эрцгерцога, барона Вейлена, что физическій и моральный упадокъ эрцгерцога Рудольфа выразился сильнѣе, когда наступила драма. Прежде всего, онъ принесъ въ жертву все, даже свои обязанности наслѣдника престола и война, ради любовныхъ похожденій; болѣе того, онъ отдавался оргіямъ, которыя самымъ плачевнымъ образомъ отразились на его нервной системѣ. Эрцгерцогъ особенно злоупотреблялъ шампанскимъ и коньякомъ. Баронъ Вейлень, имѣвшій постоянныя сношенія съ Рудольфомъ, замѣтилъ, что онъ часто ему лгалъ. «Надо, чтобы моральная развращенность была очень велика,—сказалъ онъ,—если человѣкъ, занимавшій его положеніе, прибѣгалъ ко лжи. Въ тотъ день, когда я впервые получилъ это раздирающее сердце доказательство, у меня явилось убѣжденіе, что наслѣдный эрцгерцогъ былъ человѣкъ потерянный».

«Смерть Рудольфа глубоко поразила его прежняго воспитателя; онъ умеръ, годъ спустя послѣ эрцгерцога.

Въ свою очередь въ «Gil-Blas» ѣ появился слѣдующій рассказъ:

«Баронесса Вечера, урожденная Бальтацци, и ея двѣ дочери не были приняты при вѣнскомъ дворѣ, куда согласно стариннымъ обычаямъ Габсбурговъ допускаются лишь лица, имѣющія должность при дворѣ. Баронессы Вечера не принадлежали даже къ тому обществу, изъ котораго происходили эти избранные; онѣ относились къ той части общества полунаціональнаго, полуиностраннаго, которое стоитъ на третьемъ планѣ свѣтской іерархіи. Это объясняетъ ихъ странно свободныя замашки, позволившія эрцгерцогу вступить чуть не въ открытую связь съ молодой двадцатидвухлѣтней дѣвушкой. Общество принялось злословить; въ аристократическихъ кружкахъ жаловались на скандалъ. Императоръ не разъ былъ взволнованъ основательными жалобами эрцгерцогини; не разъ онъ старался убѣдить наслѣднаго эрцгерцога вернуться къ законной женѣ или, по крайней мѣрѣ, соблюдать необходимую сдержанность. Но экзальтированный, романтичный и порывистый Рудольфъ чувствовалъ, какъ его страсть увеличивалась, соразмѣрно количеству настояній и увѣщаній. Онъ рѣшился отвѣтить на нихъ публичной оглаской. Съ этой цѣлью онъ пригласилъ на ужинъ въ одинъ изъ ресторановъ на Пратерѣ около двадцати представителей блестящей молодежи. Всѣ явились на его приглашеніе; одинъ изъ адъютантовъ принялъ ихъ въ блестяще освѣщенномъ залѣ, изобильно украшенномъ бѣлыми цвѣтами: камеліями, азалиями и бѣлой сиренью, покрывавшими все, до стѣнъ включительно. Велико было удивленіе приглашенныхъ, когда въ залъ вошелъ наслѣдный эрцгерцогъ, ведя за руку Марію Вечеру въ бѣломъ шелковомъ нарядѣ, украшенную померанцевыми цвѣтами и фатой. Это удивленіе смѣнилось остолбененіемъ, когда эрцгерцогъ въ концѣ ужина—довольно невеселаго—поднялъ свой стаканъ и выпилъ за

здоровье будущей австрийской императрицы, устремивъ недвусмысленный взглядъ на царицу праздника.

«Менѣ чѣмъ черезъ часъ, предупрежденный императоръ, потребовалъ къ себѣ двухъ министровъ и трехъ близкихъ къ нему совѣтниковъ. Результатомъ этого совѣщанія была отправка императорскаго экипажа за матерью баронессы Вечеры и начальникомъ полиціи, которыхъ провели въ кабинетъ императора. Послѣдній хотѣлъ обезпечить дѣятельное участіе матери въ похищеніи дочери и ея скрытіи, по крайней мѣрѣ, временномъ. Они условились относительно плана, который, казалось представлялся достаточно безопаснымъ, и въ немъ баронесса Вечера обѣщала исполнить свою роль. Этотъ планъ самый простой... Официальный обѣдъ долженъ былъ задержать эрцгерцога въ Гофбургѣ весь вечеръ до слѣдующаго дня. Съ другой стороны, согласно неизмѣнному обыкновению эрцгерцога пріѣзжать послѣ окончанія официальныхъ церемоній въ Мейерлингъ, молодая баронесса отправлялась туда и ожидала тамъ Рудольфа. Въ промежутокъ времени, который протекалъ между ея пріѣздомъ и появленіемъ эрцгерцога, было разсчитано похитить молодую дѣвушку. Правда, что ее сопровождалъ адъютантъ Рудольфа и оставался съ нею до его пріѣзда, но сообщники очень полагались на двухъ полицейскихъ сыщиковъ, выбранныхъ для совершения похищенія. Молодую дѣвушку вручили бы матери, ожидавшей ее въ нѣсколькихъ футахъ отъ охотничьяго дома, въ каретѣ, запряженной сильными лошадьми. Баронесса отвезла бы дочь въ монастырь бенедиктинцевъ, находившійся въ десяти или двѣнадцати верстахъ отъ Мейерлинга, гдѣ былъ данъ приказъ принять Марію и не спускать съ нея глазъ.

«Немедленно возвратившись въ Вѣну, баронесса должна была вводить всѣхъ въ обманъ, показываясь повсюду и распуская слухъ о внезапномъ отъѣздѣ дочери въ Англію.

«Тайна сохранилась въ совершенствѣ, и въ назначенный день, около десяти часовъ вечера, два полицейскіе сыщика были спрятаны въ лѣскѣ, граничившемъ съ Мейерлингомъ. Залъ освѣтился, и въ пролетѣ оконной рамы отразились два силуэта, одинъ мужской, другой женскій. Потомъ сыщики увидѣли двухъ субъектовъ, вышедшихъ въ садъ и медленно прогуливавшихся. Они приняли одну изъ фигуръ за адъютанта наслѣднаго эрцгерцога и, бросившись на юную баронессу, хотѣли зажать ей ротъ. При этомъ внезапно нападеніи у ея спутника вырвался гнѣвный возгласъ, и онъ такъ неловко выстрѣлилъ въ сыщика, что пуля скользнула между деревьевъ. Послѣдній, къ несчастью, былъ болѣе усерденъ, чѣмъ смысленъ, и въ свою очередь выстрѣлилъ въ Рудольфа почти въ упоръ, положивъ предполагаемаго адъютанта на мѣстѣ.

«По крику молодой баронессы поняли роковой промахъ. Расстрелявшіеся сыщики склонились надъ эрцгерцогомъ, чтобы посмо-

трѣтъ, не живъ ли онъ, а баронесса, воспользовавшись тѣмъ, что освободилась, подняла оружіе и выстрѣлила себѣ два раза въ ротъ. Въ это время пріѣхали герцогъ Кобургскій и графъ Гойосъ, посланные императоромъ тотчасъ же, какъ обнаружился отъѣздъ эрцгерцога.

«Увидя эти два роковые результата, оба посланные не знали, что дѣлать, и допустили собраться слугамъ вокругъ обоихъ тѣлъ. Въ свою очередь пріѣхала и баронесса Вечера, сопровождаемая Братфишемъ. Виновные сыщики, убившіе по неосторожности эрцгерцога, такъ быстро и безопасно исчезли, что на другой же день могли переѣхать границу.

«Уже было поздно, когда прахъ баронессы былъ положенъ въ карету, предназначенную отвезти ее живую въ монастырь, и несчастной матери предоставили одной сопровождать трупъ дочери въ Вѣну. Оставивъ тѣло наслѣднаго эрцгерцога на храненіе слугамъ, графъ бросился во дворецъ предупредить императора.

«Множество ошибочныхъ свѣдѣній, порожденныхъ рассказами этихъ запоздалыхъ свидѣтелей, распространили легенду въ тысячу разъ трагичнѣе, чѣмъ сама истина. Легенда упорна... Фактъ обнаружился, лишь нѣсколько дней спустя послѣ смерти эрцгерцога, и императоръ былъ предупрежденъ о досадныхъ толкахъ, которые породило официальное молчаніе. Говорятъ, онъ печально пожалъ плечами и сказалъ:

«— Слишкомъ поздно!...»

«Дѣйствительно было слишкомъ поздно уничтожить легенду: она уже проникла въ народъ.

«Нашъ рассказъ все-таки вѣренъ въ главныхъ чертахъ... Эрцгерцогъ Рудольфъ умеръ не отъ собственной руки; еще менѣе виновенъ онъ въ убійствѣ или покушеніи на самоубійство... Онъ погибъ жертвой того, что иногда называется неизбежностью рока, иногда неловкостью придворныхъ—согласно волнующемуся, различному общественному мнѣнію.

Наконецъ, 30-го марта Монторгейль помѣстилъ замѣтку, которая, въ сущности—письмо, напечатанное ранѣе въ «*Éclair*»'ѣ и подписанное «Н.»—

Кромѣ того, Анри Бошанъ, прежній офицеръ при австрійскомъ дворѣ, прибавилъ къ этому разсказу, котораго я не привожу, слѣдующія разсужденія:

«Ужасъ и отчаяніе обоихъ друзей эрцгерцога при этомъ зрѣлищѣ достаточно объясняютъ, что мѣры, которыя предстояло предпринять, не теряя ни минуты, не были зрѣло обдуманы. По этой причинѣ, въ виду избѣжанія скандала и соображеній религіозной щепетильности, явилась досадная идея дать паролемъ: «несчастный случай на охотѣ», и приказать увезти совершенно одѣтый трупъ дѣвушки, что дало поводъ появиться всѣмъ этимъ легендамъ о

похищеніи. Только 24 часа спустя, императоръ, зная, что общественное мнѣніе введено въ заблужденіе, далъ приказъ напечатать истину.

«Но зло было сдѣлано. Была и, вѣроятно, всегда будетъ масса лицъ, упорствующихъ въ своемъ убѣжденіи, что дѣло должно было происходить иначе. Когда человѣкъ молодъ и наслѣдникъ имперіи, когда жизнь представляетъ столько соблазновъ, надо быть сумасшедшему, чтобы добровольно съ нею разстаться. Вотъ какъ размышляютъ многіе люди, не замѣчая, что въ этой-то самой логикѣ они нашли бы объясненіе того, что имъ кажется необъяснимымъ.

«Двойное самоубійство уже могло быть подтверждено въ Мейерлингѣ и, къ тому же, удостовѣрено двумя записками, найденными въ Вѣнѣ въ письменномъ столѣ эрцгерцога. Въ одной изъ нихъ онъ обращается съ нѣсколькими прощальными словами къ женѣ и дочери; въ другой—отказываетъ деньги нѣкоторымъ лицамъ, находившимся у него въ то время.

«Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно вопроса о двойномъ самоубійствѣ, но всегда останутся загадкой психологическія причины этой драмы страстей. На этомъ-то романистъ можетъ развить свои тезисы и прикрасить на свой ладъ, съ условіемъ не имѣть поползновенія писать исторію».

Приводя подробности о семьѣ Бальтацци, Бошанъ говоритъ, что въ 1889 году «не было никакого двоюроднаго брата Бальтацци, и г. Адереръ, можетъ быть, намекалъ на одного изъ двухъ дядей, Александра или Генриха. Никто изъ этихъ господъ, хотя глубоко огорченныхъ трагической смертью племянницы, не былъ замѣченъ послѣ драмы отсутствующимъ, чего требовали мнимыя раны. Наконецъ, возможно ли серьезно допустить, чтобы убійца наслѣдника престола могъ спокойно жить среди вѣнскаго общества, точно его дѣло было самое справедливое? Думать такъ—это не знать монархическихъ идей Австріи.

Наконецъ, какъ видно было въ первой замѣткѣ изъ «Liberté», лица, имѣющія «основательныя свѣдѣнія», сказали нашему сотруднику: «Это не Бальтацци убилъ эрцгерцога Рудольфа, а графъ Вальдштейнъ—неумышленно». На это Бошанъ отвѣчаетъ:

«Никогда никакой графъ Вальдштейнъ не былъ замѣшанъ въ это дѣло, ни прямо, ни косвенно, и если, какъ говорятъ комментаріи 10-го сентября, его слѣдъ не потерянъ такъ же, какъ и графа Гойоса, то было бы любопытно знать, куда привелъ бы автора этотъ слѣдъ.

«Относительно воображаемаго графа Вальдштейна—не знаю; что же касается до графа Гойоса, то слѣдъ остановился бы у его могилы, такъ какъ онъ умеръ въ 1900 году, шестидесяти лѣтъ.

«Среди окружавшихъ эрцгерцога лицъ близкимъ къ нему былъ только графъ Карлъ Бомбель, вице-адмиралъ, родившійся въ 1832 году. Графъ Бомбель былъ не адъютантомъ эрцгерцога, а гофмейстеромъ его двора, что не одно и то же.

«Уже нѣсколько лѣтъ онъ былъ боленъ, и умеръ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ эрцгерцога, въ 1889 году, и хотя онъ былъ сильно потрясенъ трагической смертью своего повелителя, но никогда не слышно было, чтобы его умственные способности пострадали отъ этого событія, при которомъ онъ совсѣмъ не присутствовалъ. Похороненный уже 14 лѣтъ, онъ не могъ быть тождественнымъ съ личностью, которая, по словамъ «Liberté», въ декабрѣ этого года была заключена въ домъ умалишенныхъ.

«Баронесса Вечера до сихъ поръ живетъ въ Вѣнѣ. У нея остался только одинъ сынъ, гусарскій офицеръ. Ея вторая дочь вышла замужъ за графа Биландта и умерла въ Римѣ чрезъ годъ послѣ свадьбы.

«Что касается Братфиша, то онъ остался извозчикомъ въ Вѣнѣ и никогда не былъ сумасшедшимъ; онъ умеръ отъ воспаления легкихъ 16 декабря 1892 года. Его сынъ и теперь находится извозчикомъ въ Вѣнѣ.

«Анри Бошанъ».

Нѣсколько дней тому назадъ, когда я дѣлалъ корректуру этой книги, я получилъ слѣдующій рассказъ, помѣщенный въ одной американской газетѣ.

«Маринеттъ (Висконсинъ), 14 іюня.

«Одна здѣшняя городская газета «Star» самымъ серьезнымъ образомъ объявляетъ, что эрцгерцогъ Рудольфъ, наслѣдникъ австро-венгерскаго престола, не умеръ жертвой несчастнаго случая на охотѣ, какъ объ этомъ объявили пятнадцать лѣтъ тому назадъ, но живетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и это не кто другой, какъ докторъ Гоффманъ, только что уволившійся отъ должности профессора Іовскаго университета. Его удаленія потребовали, вслѣдствіе отказа сообщить свое подлинное имя, послѣ того, какъ онъ признался, что имя, которое онъ носитъ, не его. Согласно этой газетѣ, въ ту эпоху, когда случилась мнимая смерть эрцгерцога Рудольфа, тѣло одного субъекта, поразительно похожаго на него, было похоронено вмѣсто него; эрцгерцогъ же исчезъ изъ Австро-Венгріи и пріѣхалъ въ Соединенные Штаты, гдѣ «Star» сдѣлалъ открытіе, что онъ не кто иной, какъ докторъ Гоффманъ. Какъ извѣстно, эрцгерцогъ Рудольфъ изучалъ серьезно медицину и слылъ за лучшаго доктора въ Вѣнѣ, поэтому дѣлается понятнымъ, что, по пріѣздѣ, въ Соединенные Штаты, ему было легко найти постъ профессора въ университетѣ этой страны».

Газета прибавляетъ, что профессоръ Гоффманъ неоднократно прѣзжалъ въ Манамини (въ Мичиганѣ), гдѣ живетъ одна дама высшаго общества, сестра командира одного австрійскаго броненосца. Самое любопытное въ этомъ дѣлѣ то, что большинство высокопоставленныхъ лицъ этого города раздѣляютъ мнѣніе «Star»'а и убѣждены, что докторъ Гоффманъ и эрцгерцогъ Рудольфъ—одно и то же лицо. Съ другой стороны, его близкіе друзья считаютъ эти слухи смѣшными.

Профессоръ Гоффманъ 38 лѣтъ; онъ женатъ, отецъ одного ребенка и живетъ въ данный моментъ въ Іовѣ.

Теперь, когда я напечаталъ полностью всѣ статьи, которыя породилъ рассказъ, напечатанный въ «Minerva», да будетъ мнѣ позволено представить адресованное мною Монторгейлю коротенькое письмо, которымъ я отвѣчаю его корреспонденту «Н.».

Дорогой собратъ!

Таинственныя событія, можно сказать, всѣ политическія и историческія событія, допускаютъ два толкованія: толкованіе официальное или государственное и другое—истинное.

Толкованіе государственное, разъ установленное, болѣе не двигается. Оно остается неизмѣннымъ въ своей лжи, и тѣмъ болѣе неизмѣннымъ, чѣмъ оно живѣе. Другое толкованіе—истинное пробивается себѣ путь не безъ труда среди различныхъ сѣтей и ловушекъ. Терпѣливому и хладнокровному изыскателю предстоитъ заставить окончательно его принять и дать ему жизнь.

На другой день послѣ ужасной ночи января 1889 г. самыя фантастическія и противорѣчивыя рассказы были пущены въ ходъ въ продолженіе двухъ дней, до тѣхъ поръ, пока не установилось государственное толкованіе: «двойное самоубійство».

Сначала общественное мнѣніе склонилось предъ нимъ. Мало-помалу, благодаря нескромности, открытіямъ, признаніямъ, узналось истинное толкованіе: «убійство, совершенное во время оргіи».

Въ данный моментъ въ кружкахъ, что называется, хорошо освѣдомленныхъ, нѣтъ ни одного лица, которое бы вѣрило государственному толкованію; другое же вездѣ принято.

Я его узналъ—вы мнѣ позволите умолчать, изъ чьихъ устъ. Я первый написалъ то, что всѣ освѣдомленныя лица рассказываютъ другъ другу. Волненіе, произведенное моей статьей въ «Minerva», и превзошедшее мои скромныя ожиданія, такъ же, какъ и усиліе остановить ее, доказываютъ, что я коснулся истины.

Мой рассказъ—не протоколъ. Если такой и существуетъ, то онъ запрятанъ въ архивѣ, откуда, можетъ быть, онъ никогда не выйдетъ. Я не вижу, чтобы историки, которыхъ мы должны брать образцомъ, довольствовались печатаніемъ протоколовъ, и я не думаю, чтобы писателю было запрещено увлекаться тѣмъ, что онъ рассказываетъ.

Я прибавлю еще нѣсколько словъ: на другой день послѣ катастрофы былъ данъ пароль: «несчастный случай на охотѣ». Слѣдовательно, надо, чтобы существовалъ этотъ «несчастный случай», а не «самоубійство». При самоубійствѣ церковь не разрѣшила бы похороннаго обряда.

Такъ какъ истинное толкованіе — «убійство во время пиршества» — начало распространяться, и такъ какъ болѣе не могли поддерживать толкованія о «несчастномъ случаѣ на охотѣ», — настолько оно было не вѣроятно, — то послѣ похоронъ быстро, со всѣхъ концовъ, прошелъ слухъ о двойномъ самоубійствѣ, съ безконечнымъ изобиліемъ подробностей; съ тѣхъ поръ это стало официальнымъ толкованіемъ.

Между тѣмъ воображеніе работало. Со всѣхъ сторонъ появлялись брошюры.

Одна изъ нихъ, написанная княгиней Одескалки, изобразила ужасную сцену, во время которой баронесса Марія Вечера, проводя ночь на 30-е января 1889 года со своимъ любовникомъ, ужасно и страшно его изувѣчила.

Оставляю въ сторонѣ всѣ эти болѣе или менѣе фантастическіе рассказы, чтобы сопоставить съ ними только брошюру Артура Саваѣта, долго и кропотливо изучавшаго «Мейерлингскую драму». Онъ ее обсуждаетъ съ начала до конца, до послѣдней катастрофы, произведенной Бисмаркомъ, который хотѣлъ отдѣлаться отъ заклятаго врага.

Одни только освѣдомленные лица знали истину: «убійство во время оргіи». Малопочетная истина о наслѣдникѣ престола, предъ которымъ открывалось столь прекрасное предназначеніе.

Это — истина, истина, которая относится къ сущности факта, не касаясь внѣшнихъ подробностей и побочныхъ обстоятельствъ; сначала посвященные говорили объ этомъ тихо, затѣмъ прошли года, и стали говорить свободнѣе.

Я все это собралъ и въ свою очередь рассказалъ истину, не думая о политическихъ соображеніяхъ, не сдерживаясь, не волнуясь ею и не представляя ее столь потрясающей, какъ бы я могъ это сдѣлать.

Я прибавлю только еще одно слово. Одна высокопоставленная дама, положеніе которой позволяетъ знать настоящую истину Мейерлингской драмы, прочитавъ въ «Minerva» эти страницы, сказала мнѣ: «Вашъ рассказъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ близокъ къ истинѣ и точенъ. Его можно упрекнуть лишь въ томъ, что онъ слишкомъ «поэтиченъ». Настоящая истина гораздо менѣе поэтична».

Что бы сказали представители официального толкованія, если бы я прибавилъ къ этому рассказу нѣкоторыя подробности, преднамѣренно мною пропущенныя?

33684c

